

0-770547

На правах рукописи

Гуськов Игорь Александрович

**СОЦИАЛЬНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук**

Ростов-на-Дону – 2008

Работа выполнена в ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет»

Научный консультант: заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук, профессор
Волков Юрий Григорьевич

Официальные оппоненты: Член-корреспондент РАН,
доктор философских наук, профессор
Горшков Михаил Константинович
Институт социологии РАН, г. Москва

доктор философских наук, профессор
Добреньков Владимир Иванович
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, г. Москва

доктор социологических наук, профессор
Слепцов Николай Степанович
Российская академия государственной службы, г. Москва

Ведущая организация: **Институт социально-политических исследований РАН**

Защита состоится «20» июня 2008 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.208.01 по философским и социологическим наукам в ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет» (344006, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 160, ауд. 34).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет» (г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 148).

Автореферат разослан «____» мая 20__

Ученый секретарь
диссертационного совета

М.Б. Маринов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Современное российское общество является предметом пристального исследования социологической мысли, которая накопила определенные достижения в осмыслении процесса социальных трансформаций, изменений, связанных с институциональными, структурными, субъектно-деятельностными сдвигами, динамикой социального настроения и социального самочувствия населения. И если на протяжении 1990-х г. только вырисовывались контуры «переходной эпохи», то сейчас можно констатировать некоторые итоги социетальной трансформации, которые, как справедливо отмечает Т.И. Заславская, необходимо оценить по трем важным осям: а) эффективность базовых институтов; б) социальные структуры; в) уровень человеческого потенциала¹. Исходя из предложенных системных критериев, российское общество является обществом социальной зависимости, то есть пребывает в состоянии взаимного отчуждения, социальной субдоминантности и дефицита доверия в системе социальных отношений. Социальная зависимость характеризует межгрупповые и личностные отношения определенной социальной ресурсообеспеченностью, монополией на экономический, политический и социальный капиталы, благодаря чему социальное взаимодействие «смещается» в сферу внеинституционального, сетевого, дискретного социального пространства. Социальная зависимость проявляется во всех сферах социальной жизни, будь то деформализация трудовых отношений и «серые» схемы в российской экономике, спад восходящей социальной мобильности, дезинтеграция в социальной сфере, протекционизм, клиентелизм и «круговая порука» на социальном микроуровне. Между тем, проявляется тенденция нарастания социального участия по аналогии с «органической солидарностью» Э. Дюркгейма, содержащей возможность преодоления негативной социальной зависимости, ориентированной на социальное дистанцирование, обособление от механизмов согласования интересов и их реализацию путем монополизации ресурсов или позиционирования социального клиентелизма. Данные явления, на первый взгляд, воспринимаются как разноуровневые, относятся к интегральным социальным условиям, но их функционирование определяется производством и воспроизводством социальной зависимости, как направленности и содержания социальных отношений в российском обществе на устойчивую «независимость» социальных групп от формальных регуляторов, институциональных ограничений и возможностей и выстраивание минимизированного взаимодействия на основе социального диспаритета, дисбаланса социальных интересов под воздействием присвоения институциональных ресурсов. Подобные эффекты действуют и в системе российского образования, которое не только теряет свои ведущие позиции в мире, но и не обеспечивает цели расширенного социального воспроизводства, стало сферой социального риска акторов образования.

¹ Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации. М., 2003. С. 393.

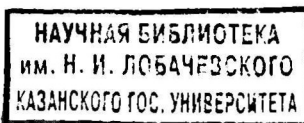
Не отрицая эвристичности положений и выводов, сформулированных относительно социального неравенства и социальной напряженности в российском обществе, мы сталкиваемся с препятствиями на пути цивилизованного разрешения социальных конфликтов, переводом протестной энергии и активности в социально-деструктивные или «до-социальные» формы. Как это ни парадоксально, социальная агрессия санкционирована в обществе, производна от социальной зависимости. То, что фигурирует в публикациях как «терпение народа», имеет социальные истоки в закреплении социальной зависимости, замещении автономности «дозволенностью» индивидуальной свободы, усиливающей социальную зависимость.

Оценивая итоги реформ, российское население в качестве препон на пути быстрого экономического роста называет коррумпированность элит (49,9 %), влияние Запада (37,5 %), несовершенство существующих законов (27,7 %)², уход от более фундаментальной проблемы безличностного индивидуализма. Возлагая социальную ответственность на элитные слои, население демонстрирует социальную зависимость, которая воспроизводится как на социальном микроуровне, так и социальном макроуровне. Чем вызвана социальная зависимость – последствиями постабстенического синдрома, дефицитом социетальных кодов, дисфункциональностью социальных институтов или диспропорцией социальной структуры? Думается, анализ социальной зависимости предполагает обращение к системному анализу социальных трансформаций, потому что нельзя «списать» сбой в функционировании социальных институтов и поведении людей на «влияние прошлого», в равной степени как винить во всем несовершенство заимствованных и перенесенных на российскую почву институциональных форм.

Таким образом, социальная зависимость, интегрированная в социальную структуру российского общества, осмысливается как «периферийная» или имеющая социально-транзитивные характеристики. Между тем, социальная зависимость влияет и на массовые социальные практики, и на отношение к социальным институтам, и на социальную самооценку, и на выбор идентификационных стратегий. Фактически социальная зависимость кодифицирует сложившийся социальный порядок, устанавливает «коридор» применения институциональных и неформальных норм, что связано и со «слаженностью» социальных отношений, и с модернизацией социальной структуры, появлением так называемого «среднего класса» и раскрепощением инновационной активности населения в целом.

Социально-имущественное расслоение, социальная дезинтеграция обретают системный характер, качественно влияют на социальную стабильность, задают векторность социальных изменений. Российское общество вступило в стадию социальной сегментации, когда социальная зависимость конституирует разделение социальных групп и по «вертикали» (элиты – низы), и

² Бюрократия и власть в новой России: позиция населения и оценки экспертов. М., 2005. С. 9.

по «горизонтали» (внутригрупповое и межгрупповое отчуждение, доходящее до социального обособления и исключения).

Степень научной разработанности темы. Теоретический подход, связанный с анализом социальной зависимости, как органической солидарности, обозначен в работах Э. Дюркгейма. Субъективный, целерациональный аспект социальной зависимости выведен М. Вебером, для которого социальная зависимость основывается на различии компетентности, закрепленной за индивидами. В работах Р. Парка, Т. Веблена социальная зависимость представляет следствие социального дуализма, имущественных прав «праздного класса» и минимального социального влияния «промышленного сословия». В интерактивной модели Дж. Мида социальная зависимость является «особым стандартизированным порядком», включающим контроль над поведением членов социальной общности путем «предписанного» социального принуждения.

К. Манхейм, П. Бергер, Т. Лукман воспринимают социальную зависимость в контексте социального знания, то есть интерпретации схем «подчинения» для конструирования «интегрированного микромира» и принятия субдоминантности, как способа изоляции от социального макромира.

В концепции социальной конфликтности Р. Дарендорфа социальная зависимость оценивается как катализатор социальных перемен, функционально необходимый для социальной стабильности, как обладание социальными позициями, имеющими определенные ограничения социальной активности. Дарендорф исходит из критического анализа структурно-функциональной модели общества, оценивающей социальную зависимость в контексте социальной интеграции, взаимодействия социально-ролевых комплексов.

Постклассическая социологическая мысль (П. Бурдьё, Э. Гидденс) определяет социальную зависимость в терминах социального пространства, социальной ресурсообеспеченности. В концепции П. Бурдьё социальная зависимость определяется различием социальных позиций, осознанных индивидами в социальном пространстве. Э. Гидденс характеризует социальную зависимость как форму социального отчуждения, неполное участие отдельных людей и групп в жизни общества. Речь идет о вытеснении целых групп людей из управления социальными институтами и формировании у людей настроений «социального одиночества».

З. Бауман связывает социальную зависимость с концепцией «индивидуализированного общества», которое под влиянием нестабильности и неопределенности социальной жизни трансформируется в состоянии массовых страхов и неуверенности, стратегии отказа от социальных обязательств и идентификационного выбора. П. Штомпка исследует социальную зависимость как следствие асимметрии социальных отношений, нарушения баланса прав и обязанностей социальных групп, как по отношению к обществу, так и на социальном микроуровне. Социальная зависимость относится к сфере социальных отношений, сущность которых не в социально-ролевом взаимодействии, а в воспроизводстве социальных различий, выступающих барьерами на пути достижения социальных отношений.

Российская социологическая мысль характеризуется определенными наработками в анализе социальной зависимости, прежде всего благодаря

исследованиям Т.И. Заславской, М.А. Шабановой, С.С. Балабановой. Так как российское общество рассматривается в переходном, транзитивном состоянии, социальная зависимость оценивается как социальное качество групп, имеющих недостаточный трансформационный потенциал и предопределенные к адаптации стратегии. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, В.А. Ядов анализируют проблемы социальной ресурсообеспеченности, отталкиваясь от социальных и символических смыслов, различающихся иерархическими местами в социальной системе, пространственной локализацией ценностных установок и интересов. В предлагаемой исследовательской схеме социальная зависимость связывается с состоянием «социального обособления», дефицитом социальных ресурсов и неадекватной социальной самооценкой.

В работах Ж.Т. Тощенко, Л.Д. Гудкова, Б.В. Дубина, Г.Г. Дилигенского анализируются процессы формирования «парадоксального человека», совмещающего контрастные социальные установки и ориентированного на функциональную социальную исключительность. Социальная зависимость характеризует эффекты негативной мобилизации и идентификации в условиях отсутствия идентифицирующих институтов и социально-референтных групп, упадка профессионализма и социального альтруизма, как принципов межгруппового взаимодействия.

Таким образом, социальная зависимость рассматривается в классическом варианте как способ социальной интеграции или социальной стабильности, переопределения социальных позиций.

В разрыве со «структурализмом» постклассическая социология отвергает «естественность» социальной зависимости и предлагает деятельностный подход к проблеме, определяя социальную зависимость как стратегию социального действия, присоединения к господствующему классу или воздействия социально-компенсационных процедур (П. Бурдьё) или схему практического действия, исходящую из локализованности социальных институтов (Э. Гидденс).

Российская социология в исследовании социальной зависимости исходит из незавершенности рыночных преобразований, диктуемых интересами элитных слоев общества, ослабления или отсутствия инновационного потенциала у основной части населения России. Предлагаемая схема адаптации легитимирует социальную зависимость.

Можно сделать вывод, что, во-первых, социальная зависимость не концептуализирована в качестве самостоятельного социального факта, определяющего социальные и социально-экономические отношения в российском обществе. Во-вторых, замещение исследования социальной зависимости социальным патернализмом или «пассивной адаптацией» уводит от существа проблемы, которая может быть отрефлексирована в исследовании социальной зависимости на социальном мезо- и микроуровнях. В-третьих, достигнутое понимание социальной зависимости явно недостаточно, чтобы определить динамику социального самочувствия россиян, если исходить только из деления на «проигравших / выигравших от реформ». В-четвертых, социальная зависимость в российском обществе системна, обладает негативным влиянием на динамику социальных преобразований и отношение к социальным институтам, выбор ценностных ориентаций и идентификационных моделей, что

актуализирует рассмотрение социальной зависимости в контексте социальных и социально-экономических отношений в российском обществе.

Гипотеза исследования состоит в предположении того, что в условиях социальной поляризации и социальной дезинтеграции российского общества социальная зависимость обретает преимущественно социально-профильный характер и выражается как в форме социального участия, ориентированной на социальное взаимодействие через воспроизводство легитимных социальных практик и реализацию групповых интересов в социально-профессиональных и гражданских ассоциациях, так и в форме социального дистанцирования, которое проявляется в применении отдельными индивидами и социальными группами логики «присоединения» к ресурсным социальным группам на позициях социального клиентелизма или ухода на социальный микроуровень в целях восполнения дефицита социальных ресурсов через уклонение от социальных и правовых обязательств.

Негативная социальная зависимость в российском обществе воспроизводится и производится в социальной девиантности, отклонении от социальных норм, переводе социальной энергии в расширение «каналов» неформального взаимодействия, налаживании доверительных отношений с «ресурсообеспеченными» группами, социальной агрессивности по отношению к группе «неадаптированных». Социальное участие как конфигурация взаимозависимости связана с реализацией групповых интересов через социальные и политико-правовые механизмы согласования. Однако актуализация социального участия сдерживается как дефицитом институциональных ресурсов, так и недостаточным уровнем социальной компетентности, навыков, ориентированных на взаимное социальное доверие и «прозрачность» социальных отношений. Сфера образования как пространство формирования социальной компетентности, связанной с широтой социальных интересов и социально-субъектной позицией, постепенно преодолевает последствия анонии 90-х г. и через наращивание институциональных ресурсов и легитимацию базисных социальных диспозиций по отношению к образованию становится сферой производства социальной компетентности как условия преодоления социального дистанцирования в российском обществе.

В связи с вышесказанным можно сформулировать **цель исследования**, которая состоит в выявлении структурных, институциональных, диспозиционных условий социальной зависимости в российском обществе и ее влиянии на социальное самочувствие и социальные стратегии российского населения.

Поставленная цель выдвигает иерархию **исследовательских задач** теоретического и прикладного характера:

- анализ и оценка социальной зависимости как понятия социологического знания;
- исследование социальной зависимости в контексте социальных трансформаций;
- выявление специфики социальной зависимости в российском обществе;
- определение характеристики социальной зависимости в формировании социальной структуры;

- анализ социальной зависимости на социальном микроуровне;
- выработка модели социального участия как альтернативы социальному дистанцированию, как конструктивной социальной зависимости;
- исследование формальных и неформальных регуляторов социальной зависимости;
- описание социального контроля в контексте ослабления социального дистанцирования и институционализации социального участия;
- характеристика социальной девиантности как воспроизводства и производства социального дистанцирования;
- выявление влияния социальной зависимости на социальную самооценку россиян;
- определение места социальной зависимости в идентификационном выборе населения;
- исследование институциональных дефектов и дефицитов, продуцирующих социальную зависимость акторов образования;
- характеристика социальных установок акторов образования, содержащих отказ от терминальной ценности образования.

Объектом исследования являются социальные и социально-экономические отношения в российском обществе.

Предметом исследования выступает социальная зависимость как взаимное социальное позиционирование индивидов и групп в контексте социального взаимодействия, которое проявляется либо в форме социального дистанцирования, воспроизводства обособления на индивидуальном и групповом уровнях, либо в форме социального участия, связанного с переходом от режима адаптации к констелляции интересов на уровне институционализации взаимовыгодных легитимных взаимодействий.

Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составляют положения классической социологии о конституированности социальной зависимости в социально-ролевой структуре общества и ориентированности на иерархию социальных статусов (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Дарендорф), а также концепции социального пространства П. Бурдьё, культурной травмы П. Штомпки и «различия ресурсов» Э. Гидденса. В диссертации конкретизируются теоретико-методологические конструкты «рецидивирующей модернизации» Н.Ф. Наумовой, «индивидуальной свободы» М.А. Шабановой, мобилизационных ресурсов В.А. Ядова, парадоксального человека Ж.Т. Тощенко, негативной идентичности Л.Д. Гудкова. Для эмпирической верификации полученных результатов применялись социально-статистический, компаративный, классификационный методы, процедуры социального моделирования и социального прогнозирования.

Эмпирическая база исследования включает материалы социальной статистики Госкомстата РФ, Минобразования и науки РФ, социологических опросов, проведенных ИС РАН в 2005–2007 гг., данные, полученные учеными НИИКСИ СПбГУ (1998–2001 гг.), ИСПИ РАН (2001–2005 гг.), материалы региональных ведомств по вопросам социальной жизни и образованию.

Научная новизна исследования выражается в следующих результатах:

- выявлено, что социальная зависимость, несмотря на достигнутые результаты в исследовании социального неравенства и социальной напряженности в российском обществе, отождествляется с социальной дезинтеграцией, хотя, если социальная дезинтеграция фиксирует структурный аспект социальной дифференциации российского общества, социальная зависимость связана с позиционированием социальных групп в процессе социального взаимодействия, то есть с актуализацией иерархии социальных диспозиций, определяемых не только включением в социально-ролевые комплексы и занятием определенных социально-статусных позиций, но и селекцией в использовании институциональных ресурсов в соответствии с осознанием социальных интересов;
- определено, что социальная зависимость в условиях социальных трансформаций модифицируется, приводя либо к преобладанию социального участия при консистентности структурных и институциональных изменений, а также включения социальной самостоятельности населения, либо к доминированию социального дистанцирования, так как системные изменения на фоне социальной нестабильности и деформализации институциональных нововведений способствуют нарушению сложившегося баланса общесоциальных и групповых интересов и определяют предпочтительность узнаваемых, «наследованных» социальных отношений;
- социальная зависимость в российском обществе связана с социальной инерционностью «советского прошлого» и обретением социально-эсклюзивных качеств в период «стихийного» реформирования общества и, в определенной степени, демпфером социальной конфликтности, социальное участие, как конструктивная социальная зависимость, предполагает деконвенционализацию социальных отношений путем легитимации институциональных социальных практик;
- установлено, что негативная социальная зависимость влияет на социально-статусные позиции через «выпадение» из социальной структуры, что ведет к социальному дистанцированию и «негативной» стабилизации сложившейся структуры на основе принятия социальных неравенств как следствия социальной профильности, закреплённости за определенными группами социальных и правовых ресурсов в силу монополии на их обладание и использование;
- утверждается, что, несмотря на «восприятие» малых социальных групп как сетей доверия и партнерства, их деятельность не дает совокупный позитивный эффект на социальном макроуровне, так как ограничивается создание социальной микросреды, закрепляющей групповое доминирование в социальном взаимодействии;
- предполагается, что, социальное участие, как система симметричных, основанных на принятии социальной меритократии отношений, является альтернативой социальному дистанцированию, зависимостью, основанной на принципах пропорционального представительства интересов;
- социальная зависимость рассматривается как дифференцированный тип социальных отношений, который ориентирован на конвенционализм,

деформализацию, замещение правовых норм, в условиях групповой монополии на социальные ресурсы или социальное участие при использовании формальных норм для реализации групповых интересов и установления их баланса на социальном макроуровне;

- утверждается, что социальный контроль вызывает доминирование социального дистанцирования, так как в условиях группового присвоения социальных ресурсов группа, имеющая прерогативу контроля, ориентирована на поддержание субдоминантности не обладающих доступом к ресурсам контроля групп;
- прослеживаются «адаптирующий» и «приобретательский» типы социального поведения, направленные на производство и воспроизводство социального дистанцирования;
- социальная зависимость ориентирует как социальные группы, так и отдельных индивидов на повышенную социальную самооценку, что связано с влиянием социальной зависимости на реализацию актуалистских, ограниченных целей;
- идентификационный выбор при преобладании социального дистанцирования, как негативной формы социальной зависимости, определяется присоединением к успешной группе или содержит ориентированность на идентичности, не включающие социальные обязательства;
- лишение образования статуса базисного социального института привело к инклюзии в образование эффектов саморазрушения и самовоспроизводства, снизив социально-мобилизационный потенциал образования, что преодолевается в процессе государственной политики модернизации образования и возвращения его на приоритетные позиции в российском обществе;
- социальные установки акторов образования, в силу их реактивности и стереотипизации и влияния опыта адаптации, инерционны или носят инструментально-прагматический характер, что приводит к отсутствию потребности в формировании социальной компетентности, которая актуализируется в условиях возвращения к социальной ценности образования и переориентации акторов образования на расширение сферы социальных интересов через наращивание когнитивного ресурса.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Современные социологические теории рассматривают социальную зависимость либо через концепцию социальной дифференциации, либо в конфликтологическом измерении социальных неравенств как асимметричности социальных отношений. Поэтому социальная зависимость представляется побочным по происхождению результатом социально-имущественного и социального расслоения или социальной напряженности, связанной с неравенством доступа к социальным ресурсам. Очевидно, что социальная зависимость в структурно-функциональной или конфликтологической интерпретациях понимается как «блокиратор» или «фактор стабилизации» социальной жизни общества. Исследование социальной зависимости, как взаимного позиционирования социальных групп в форме

социального участия, предполагает не только анализ структурных и институциональных факторов, но и выявление социально-диспозиционных установок, которые «компенсируют» или «замещают» неравный доступ к институциональным ресурсам путем их селекции с акцентом на сужение социального интереса, либо ориентируют на наращивание социальной активности и социальную референтность во взаимодействии с другими социальными субъектами.

2. В условиях социальных трансформаций социальная зависимость модифицируется, так как системные изменения на фоне социальной нестабильности девальвируют достиженческие социальные отношения, повышая неопределенность социальных перспектив. Социальные отношения характеризуются социально-ценностной anomie и «спонтанностью» социальной активности. Негативная социальная зависимость воспроизводится либо в форме социально-клиентальных отношений, либо включением в конвенциональные социальные практики; ее минимизация через уход на социальный микроуровень сопровождается эффектом усиления, что связано с неизбежным снижением социальной и правовой компетентности, необходимой для адекватного использования инновационных структурных возможностей и институциональных ресурсов. Конструктивная социальная зависимость, связанная с переводом социального взаимодействия в контекст социального сотрудничества и согласия, «анклавна», но представляет реперные зоны для преодоления социальной дезинтеграции общества.

3. Российское общество характеризуется высокой степенью дезинтеграции, рассогласованности групповых интересов, образов жизни и поведенческих кодов, что создает ситуацию модификации социальной зависимости, ее смещение из социального взаимодействия в сферу расширения социально-групповой автономности, то есть ограничение партикулярными интересами и формирование универсальных норм в соответствии с должностной иерархией, что ориентирует исследование на выявление показателей социальной ресурсообеспеченности, связанных не только с социально-статусными позициями, но и с включенностью в конвенциональные социальные отношения, объемом и качеством неформального социального капитала и характером социальных установок, ориентированных на селекцию институциональных ресурсов.

4. Социальная структура российского общества характеризуется жесткими «социально-профильными» барьерами и нисходящей социальной мобильностью, так что социальная зависимость конституирует предсказуемое противодействие восходящей социальной мобильности и суженность горизонтальной социальной мобильности. Социальные группы ориентируются на формирование «защитных механизмов» ценой девальвации и недониспользования инновационно-мобилизационного потенциала. Таким образом, социальная зависимость из состояния взаимного позиционирования переходит в стратегию «отрыва от других», налаживания групповых приоритетов с целью воспроизводства диспропорциональной социальной структуры.

5. Перемещение социальной активности на социальный микроуровень, ограничение социальной зависимости «кругом близких», хотя и

создают возможности для дистанцирования от общественных интересов и отказа от «избыточных» социальных обязательств, реанимируют социальные отношения, ориентированные на доверие к до-социальным структурам, что «гасит» интерес к использованию легитимных институциональных возможностей, развитию соревновательности в изменении социально-статусных позиций и концентрации усилий индивидов и социальных групп на актуализации монополии на социальные ресурсы или социального клиентелизма.

6. Социальное участие, как форма социальной зависимости, построенная на симметрии групповых интересов, блокируется в российском обществе разностатусными социальными группами, которые придерживаются социальной зависимости, как практики «социального дистанцирования», что сужает, с одной стороны, позитивный эффект влияния институциональных нововведений, связанных с ростом роли социально-профессиональных и гражданских ассоциаций, с другой – воспроизводит нарушение принципа социальной меритократии. Тем не менее социальное участие выступает альтернативой социальному дистанцированию, поскольку открывает перспективу социально-достиженческим отношениям и базисному социальному консенсусу, что выражается в тенденции формирования в российском обществе «среднего класса», использующего не должностную ренту или ресурс социального клиентелизма, а достигнутые интеллектуальные, профессиональные и гражданские позиции.

7. Формальные и неформальные регуляторы в системе социальных и социально-экономических отношений российского общества определяются диспозициями социальной зависимости. Так называемая «деформализация» социальных норм и правил связана с отклонением «формальной», правовой зависимости и «внедрением» «отклонений от правил», как наиболее адекватной состоянию социального дистанцирования большинства российского населения. Формальные регуляторы универсальны, а доминирующая форма социальной зависимости «способствует» партикуляризации социальных отношений, интересов, социальное участие реализуется в ограниченном диапазоне, как деятельность в рамках гражданских ассоциаций, в которых на первый план выступает возможность наращивания ресурсов влияния.

8. Социальный контроль, реализуемый в применении формальных и неформальных норм социальными группами, связан с возможностями социальных групп в соответствии с логикой интересов использовать социальный контроль в качестве социального ресурса. Поэтому социальный контроль в условиях доминирования негативной социальной зависимости вносит в социальные отношения «деорганизацию» в том смысле, что, уклоняясь от внешнего социального контроля, группа формирует систему «заданного» социального самоконтроля, ограниченного только представлениями о «могуществе» других социальных групп, и не рассматривает социальный контроль как механизм делегирования представительства интересов. Перспективным является повышение уровня социального контроля групп, которые занимают социально-достиженческие позиции и стремятся к социальной автономии через институционализацию правовых практик.

9. Поведенческие стратегии российского населения можно классифицировать как адаптивные и инновационные, что выражается в стремлении к «привыканию к изменениям» большинства населения, освоению новых социально-профессиональных ролей и принятию достиженческих позиций «успешно адаптированным» меньшинством. Однако дефицит соревновательных институтов, монополия на социальные ресурсы повышают влияние социального дистанцирования, которое определяет сдвиг «адаптирующего» поведения к «экономии личных ресурсов» и уклонению от социальной активности, а в рамках «инновационного поведения» преобладает «присвоение социальных ресурсов» через использование должностной ренты и выключение из социальной жизни «неадаптированных» слоев населения.

10. Социальное дистанцирование, как «селективное» участие в социальной жизни, ориентирует на завышенную социальную самооценку, так как акторы социальных отношений не заинтересованы в адекватной оценке собственного социально-статусного положения и выявлении достиженческих и приемлемых для общества групповых и индивидуальных претензий. Социальное дистанцирование ограничивает социальную компетентность, налагает на акторов социальных отношений обязательства «взаимного нейтралитета», и завышенные социальные самооценки отталкиваются от позиций «быть как все», что в условиях отсутствия социальной солидарности является наиболее удобной формой нейтрализации социальных различий.

11. Идентификационный выбор при разнообразии идеентификационных моделей, падении престижа традиционных идентичностей и неполной легитимации современных гражданских идентичностей определяется активностью на социальном микроуровне и свободой от «избыточных» социальных обязательств, связанных с социальной макроидентичностью. Социальное дистанцирование, смещая выбор идентичности в сферу «социального микромира», закрепляет различия, которые основываются на представлениях о своем социальном влиянии и возможностях участия в социальных отношениях, в то время как социальное участие определяет идентификационный выбор как адекватную форму социальной субъектности в социальных отношениях, основываясь на приоритете гражданской идентичности.

12. Происходящие в российском обществе институциональные изменения усиливают значение общего образования не только как лифта социальной мобильности но и как института формирования социальной компетентности. Реализуемая образовательная политика направлена не только на преодоление возникшей аномии института образования, но и на расширение его социального влияния в обществе путем выработки таких институциональных средств, как сочетание централизации и децентрализации образования, вариативности форм образования при достаточно высоком уровне государственной поддержки и социального контроля, использование институциональных стратегий акторами образования, что делает институт образования основным в достижении консистентности институциональной системы российского общества и стартовой площадкой формирования социальной компетентности как альтернативы социальному дистанцированию.

13. В социальных установках акторов образования, как учащейся молодежи, так и педагогов, прослеживается определенное влияние опыта стихийной адаптации через реактивные и стереотипные установки. Для развития образования, как важнейшего социального и социально-экономического ресурса общества, находится в становлении система наращивания социальной компетентности. Внедряемые дистанционные формы обучения, конкурсные отборы призваны как повысить престижность образования и тем самым переломить адаптационные схемы деятельности акторов образования, так и способствовать развитию потребности в когнитивном ресурсе, как основе социального участия, и повышению социальной ценности образования в российском обществе.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Обоснованные в диссертационной работе положения и выводы могут способствовать концептуализации социальных отношений, как самостоятельной сферы социологического знания. Полученные результаты могут быть использованы в ходе подготовки и принятия управленческих решений, ориентированных на прогнозирование и регулирование социальной сферы.

Материалы диссертации могут найти применение в осуществлении региональных и муниципальных проектов, прежде всего в модернизации социальных и социально-экономических отношений в социальной сфере, вовлечении различных социальных слоев в разработку и реализацию социальной политики. Теоретико-методологические выводы исследования могут использоваться в вузовских курсах по общей социологии, социальной конфликтологии, социальной психологии.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования докладывались и обсуждались на всероссийских и региональных научных конференциях, на III Российском философском конгрессе «Рационализм и культура на пороге III тысячелетия», на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы» и на III Всероссийском социологическом конгрессе «Глобализация и социальные изменения в современной России», а также на Международной конференции «Роль идеологии в трансформационных процессах в России: общенациональный и региональный аспекты». Материалы диссертации были использованы при чтении курсов у студентов отделения «Регионоведение» и слушателей ИППК ЮФУ, а также при проведении исследований Министерством общего и профессионального образования Ростовского области.

Результаты диссертационной работы представлены в 20 научных работах и статьях (в т.ч. в изданиях, упомянутых в списке ВАК) общим объемом 25,7 п. л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, включающих тринадцать параграфов, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** раскрывается актуальность диссертационного исследования, дается краткая характеристика состояния научной разработанности проблемы, обосновываются теоретическая база исследования и его исходные методологические принципы, формулирующие основную цель и задачи, объект и предмет научного анализа, раскрываются научная новизна и практическая значимость диссертации, а также даны основные положения, выносимые на защиту.

В главе 1 «**Теоретико-методологические основания исследования социальной зависимости в российском обществе**» рассматривается социальная зависимость в теоретико – методологическом контексте в связи с развитием социологической мысли и применимости анализируемых теоретико – методологических конструкций к исследованию российского общества.

В параграфе 1.1 «**Теоретико-методологические основания исследования социальной зависимости в российском обществе**» анализируются теоретические подходы социальной зависимости как состояние социальных отношений.

В диссертационном исследовании отмечается, что теоретическая ориентация на понимание социальной зависимости определяется значением социальных отношений в социологической теории. Традиционно социальные отношения, как социальное взаимодействие, приписываются к «поведенческой» концепции (бихевиоризм), «символическому интеракционизму», социодраме. Отдавая должное вкладу отмеченных концепций в понимание социального поведения, мы осознаем, что социальные отношения конституируются на стыке социальных норм, социальных структур и диспозиционных установок личности и групп, так что в анализе социальной зависимости необходимо обращение к классической социологии, прежде всего к концепции Э. Дюркгейма.

Из дюркгеймовской идеи органической солидарности вырастает функциональная трактовка общества, как взаимозависимости социально-ролевых комплексов. Но следует обратить внимание на то, что конструктивные трактовки социальной зависимости содержат определенные теоретические «сбои». Чувство зависимости, вопреки утверждению Э. Дюркгейма, не обязательно сопровождается рациональным социальным поведением и социальным взаимопониманием. Разделение труда является «фундаментом» социально-профессиональной структуры общества, но, несмотря на «частичность» функций, выполняемых определенным индивидом или социальной группой, вклад в разделение общества и поддержание социальных отношений может быть неполным, связанным с преднамеренным или непреднамеренным социальным отчуждением или с удовлетворением интересов, которые имеют негативные социальные последствия, рискованны для социальной стабильности и социального самочувствия. Очевидно, признавая недосягаемость универсальной формулы «разделения труда», Э. Дюркгейм отмечает влияние «борьбы за существование», которая отодвигает от понимания социальной солидарности как высшей ценности. Социальная зависимость может выражаться и деструктивно, в оттеснении того или иного индивида на обочину социальной жизни, так как закрепляет за определенными социально-

профессиональными статусами отношения подчиненности и недифференцированное восприятие «других», направляет разделение труда на воспроизводство «различий», имеющих предпосылки и в неравенстве стартовых условий, и в практической неузнаваемости.

Диссертант выявил, что с дилеммой «социальная зависимость – социальное отчуждение» сталкивается структурно-функциональный анализ, который исходит из понимания того, что социальная система состоит из множества индивидуальных лиц, взаимодействующих друг с другом в ситуациях, которые обладают, по меньшей мере, физическим аспектом или попадают в некоторую среду действующих лиц, мотивация которых определяется тенденцией к оптимизации удовлетворения³. Так называемый аспект удовлетворения, по мысли Т. Парсонса, относится к системе взаимодействия действующих лиц с миром объектов, что делает возможным видеть состоятельность «ориентации», к тому, что можно назвать деятельностно-мотивационной сферой, тем самым избежать упреков в «натурализации» социальной зависимости.

Осмысливаемая в классической социологической концепции социальная зависимость, как неравенство социальных позиций, выражаясь в отношениях «господства – подчинения», содержит определенные «лакуны» в виде описательности критерия неравенства позиций для оценки возможностей социального участия и выравнивания асимметричности социальных отношений. Отчетливо эту неудовлетворенность выразил П. Бурдьё, настаивая на переходе от социальных структур к взаимодействию. Так как основными для ученого являются понятия «габитус» и «поле», в социальной субъективности, формируемой через социальный опыт, следует искать социальную зависимость. Диспозиционность, как склонность воспринимать, чувствовать, мыслить и поступать определенным образом, играет решающую роль в выборе или отклонении социальной зависимости. Если условия существования и социальные траектории основываются на полном участии, если социальный опыт доказывает практичность социальной зависимости, социальная группа, как пространство идентификации с определенными социальными институтами и воспроизводством массовых социальных практик, имеет «резон» в пользу социальной зависимости.

Классическая социология выработала три типа социальной зависимости – в рамках социального порядка (Э. Дюркгейм), интеграции (Т. Парсонс) и социального конфликта «господства – подчинения» (Р. Дарендорф). Как отмечает А. Турен, все эти направления одержимы идеей общества, идентификацией социальных групп с социальными институтами и социальными структурами. В неклассической социологии точкой отсчета становится «действие», действующий индивид, социальный актор, что переводит проблему социальной зависимости в сферу социального взаимодействия, воспроизводства в массовых социальных практиках. Для П. Бурдьё ключ – в совокупности социальных диспозиций, связанных с индивидуальными или групповыми траекториями, и социальная зависимость определяется привязкой к системе

³ Американская социологическая мысль. М., 1996. С. 464.

социального сопряжения. Э. Гидденс, отклоняя социальное отчуждение, направляет исследовательские усилия на практические схемы действия, которые непреднамеренно используются в целях «личного участия», так как этим обеспечивается удовлетворительное социальное самочувствие. Для А. Турена принципиально важно, что государство и общество институционализируют принуждение, и, если есть возможность быть свободными, то перспективы – вне рамок действий, предписанных социальными институтами (интеграция, отчуждение).

Диссертант делает вывод, что социальная зависимость воспроизводится в социальных отношениях, как взаимное социальное позиционирование, определяемое не только структурными и институциональными условиями, но и социальными диспозициями акторов, взаимодействующих в реализации осознаваемых ими социальных интересов.

В параграфе 1.2 «Социальная зависимость в контексте социальной трансформации» содержится анализ воспроизводства социальной зависимости в социально – трансформационном процессе.

Автор утверждает, что концепция социальных трансформаций связана с намерением найти «аналог» социальной модернизации, так как социальные изменения часто не носят линейного характера, спонтанны и содержат непреднамеренные, непредсказуемые, неожиданные последствия. Для выявления эвристического потенциала социальной зависимости следует определить, что социальные трансформации – это системные изменения, но в то же время изменения социального типа общества. Социальные преобразования расширили трансформационную структуру обществ, которые бы определили расстановку социальных сил, взаимодействием которых определены направление и результаты общественных преобразований. Вероятно, социальную зависимость следует подразумевать как «конфигурацию», определяющую разнородное влияние социальных групп на социально-трансформационные процессы.

Так как социальная зависимость, как цель диссертационного исследования, соотносится с социальными отношениями, это дает возможность проанализировать не отдельные «звенья» социальных отношений, а социальные отношения, как социальное взаимодействие, связанное с функционированием социального порядка. Вероятно, необходимо отыскать «отправную точку» трансформационного процесса, если считать, что социальные отношения движутся от «традиционности» к достижительности, индивидуализму (в т. ч. и групповому). Социальная зависимость нуждается в допущении ситуации «наследия прошлого» в виде «абсолютного государственного контроля», привязанности социальных отношений к идеологическому и социальному принуждению. И в этом моменте есть определенные, вызывающие дискуссию моменты. Во-первых, идет ли речь об использовании или трансформации социальной зависимости? Во-вторых, может ли трансформация означать признание в социальных отношениях, переход к сознательности и сбалансированности социальных отношений? В-третьих, от кого исходит инициатива, какую цель преследует трансформация социальных отношений?

Диссертант отмечает, что участники социальных отношений инициируют в процессе социальных трансформаций только «ими признанные»

преимущества. И если используется только «административный ресурс», мы имеем дело с до-социальными отношениями, неразделенностью господства и влияния, подданничеством социальных групп, находящихся в домодернизационном состоянии. Тогда неясен «перечень условий», которые побуждают «административно зависимые» группы вступать или способствовать социально-трансформационным процессам. Во-первых, административная зависимость действует в виде «декретированного согласия» на действия лидеров трансформационного процесса, которым вручается ответственность за конечные результаты. То есть социальные отношения сводятся к формуле «господства – подчинения» посредством переноса ответственности. Во-вторых, предполагается, что социальные трансформации приводят к изменению социальных отношений таким образом, что происходит переопределение влияния участников социального взаимодействия.

Социальная зависимость в контексте социальных трансформаций является отправной точкой, так как определяет готовность социальных агентов к социальному самоопределению кодов под принуждением «инициаторов изменений» либо в силу собственного социального реванша. Спонтанность социальных трансформаций разрушает привычную схему «прав и обязанностей», и социальная зависимость может «презентироваться», развиваться в административном давлении, управлении, использовании социокультурного шока, связанного с принудительной дискредитацией прежнего социального опыта и символического капитала. Всеобщее благо, как конечная цель социально-трансформационного процесса, понимается как формула социально-инструментальных отношений и допускает «конкуренцию», декларирование прав и обязанностей социальных акторов, может принимать деструктивную форму (социально-клиентальные отношения, включения в конвенциональные социальные практики), минимизация социальной зависимости через уход на социальный микроуровень воспроизводит обратный эффект ресурсозависимости, так как доминируют адаптивные навыки, не способствующие наращиванию социальной и правовой компетентности для использования вновь обретаемых структурных возможностей и институциональных ресурсов.

Автор подчеркивает, что конструктивная социальная зависимость, связанная с переводом социального взаимодействия в контекст социального сотрудничества и согласия, «анклавна», но представляет реперные зоны для преодоления социальной дезинтеграции общества.

В параграфе 1.3 «Специфика социальной зависимости в российском обществе» раскрываются особенности воспроизводства и производства социальной зависимости в российском обществе для формирования теоретико-методологического конструкта исследования.

Диссертант исходит из того, что отправной точкой преобразований в российском обществе является насаждение, внедрение рыночных институтов, которые, согласно логике реформаторов, заставляют людей действовать рационально, т. е. по схеме «экономического человека». Однако традиционная социальная зависимость, связанная с должностным статусом, с включением в систему административных и властных отношений, не потеряла, а приобрела новые, приемлемые для социальной иерархии формы.

Подчеркивается, что когда заявляют о необходимости участия государства в социальных изменениях, то в этом видят коренное отличие России от Европы, где сформировалось гражданское общество, почему-то забывая и о проблематизированности государства в России, где действует формула «власть – деньги», и о дефиците доверия населения к государству. Иными словами, речь идет о «сильном» государстве, эффективном в проведении экономической и социальной политики, не отягощенном альянсом «олигархов» и «чиновничества». Усилия государства могут привести к укреплению иерархии социальных отношений по вертикали, использованию принципа принуждения и сужения частной сферы жизни, которая и является для большинства россиян «сферой социетальной свободы».

Автор выявил, что особенность социальной зависимости в российском обществе проявляется в ее иерархичности, отсутствии горизонтальных социальных отношений, легитимации социальной зависимости «от имени государства и посредством государственного аппарата». В пользу такого предположения можно выдвинуть следующие аргументы:

1. Социальная зависимость основана на внеэкономическом принуждении, близости или удаленности от властных ресурсов.
2. Отсутствие горизонтальных социальных отношений и слабость социальной самоорганизации приводят к воспроизводству «административно-государственной» зависимости и ориентации социальных агентов на «власть», как ведущий конструкт в социальных и социально-экономических отношениях.
3. Изменение социальных отношений в российском обществе «репродуцируется», то есть содержит возможность «возвращения в прошлое», когда лидирующие социальные агенты используют «властные ресурсы» для «закрепления» и воспроизводства асимметрии социальных отношений.
4. В то же время социальное участие, как конструктивная социальная зависимость, воспроизводится в контексте оппозиционности государству и до сих пор содержит интенции стихийности и привязанности к элементарным формам социальности.

Социальная трансформация в российском обществе кризисна, так как связана с социальной нестабильностью и расколом общества по поводу перспектив социального развития. Так как социальные преобразования проводятся ускоренно, общество не компетентно, преобразования воспринимаются как «неизбежность» или как «заимствование передового мирового опыта». В процессе изменений используются как традиционная социальная зависимость, выраженная в формуле «начальство все знает», так и разобщение, атомизация общества, кооперация латентных потребностей, различные формы административного и экономического принуждения. Социальная зависимость конкурентного типа, которая представляется нормативной на пути к рыночному обществу, – анклава, демонстрационна и охватывает только рыночно-ориентированные слои населения.

В диссертации обосновывается положение о том, что социальная зависимость определяется не различием социально-статусных позиций, а дефицитом социальных ресурсов, той ролью, которую играют акторы в системе социальных отношений. Автор считает, что должностной статус является

конституирующим по отношению к доходам и образованию, так как должностная «безопасность» даже при занятии нелегальным бизнесом является постсоревновательным, обеспечивающим преимущества взаимодействием при наличии «полезных связей», что не скажешь о тех же бизнесменах, вынужденных иметь «подстраховку» у чиновника или правоохранительных структур.

Диссертант подчеркивает, что в выявлении показателей социальной зависимости следует исходить из реальной ресурсообеспеченности социальных акторов, включающих не только социально-статусные показатели, но и возможности, связанные со степенью включения в конвенциональные (неформальные) социальные отношения.

В главе 2 «Социальная зависимость в системе социальных и социально-экономических отношений российского общества» дается анализ места и влияния социальной зависимости в системе социальных взаимодействий российского общества.

В первом параграфе «Социальная зависимость и формирование социальной структуры российского общества» определяется влияние доминирующей формы социальной зависимости на формирование социальной структуры российского общества.

Если рассматривать социальную структуру, как сеть связей между основными составляющими социальной жизни⁴, то становится ясным, что именно конфигурация социальных отношений, то, как сочетаются социальные позиции участников социальных отношений, как они включены в социальные роли, как они взаимодействуют между собой, определяет социальную организацию общества, ее социальный порядок. П. Штомпка подчеркивает, что социальная структура – это конфигурация разноразмерных социальных отношений, независимо от того как складываются эти отношения и чего они касаются⁵. Данное определение применимо к анализу социальной структуры российского общества. В условиях социальной трансформации происходит «переворот» в социальных изменениях и основах формирования социальных отношений. С формированием института собственности и «воспроизводства» института власти российское общество представляет «ассорти» старых и новых социальных и социально-профессиональных групп, которые действуют относительно нерационально, а также ориентированы на представительство, делегирование интересов.

На наш взгляд, социальная зависимость в формировании социальной структуры российского общества сглаживает конкурентное влияние рынка и реализует «консерватизм» властных отношений. Для такого предположения необходимо обратиться не к рассмотрению системы возникающих социальных и социально-экономических перспектив, которые «бросаются в глаза», а к «скрытой», часто латентной системе социальной зависимости, более стабильной, чем социальные индикаторы, взлет и падение целых социальных групп и отдельных индивидов.

⁴ Штомпка П. Социология. М., 2005. С. 142.

⁵ Штомпка П. Социология. М., 2005. С. 151.

По мнению диссертанта, социальная зависимость актуализирует свою роль в становлении структуры российского общества тем, что 56,5 % представителей власти использовали свое положение для создания собственного бизнеса, и тем, что «новые олигархи», хотя и формируют бизнес на основе уже приватизированных предприятий, используют «свои представления во власти»⁶. Только по советской модели иерархии, по принадлежности к «партийной группе» и можно адекватно оценить асимметричность социальных отношений, связанных с вертикалями власти в собственности. Поэтому «неучастие» целых социальных групп в социальных отношениях и, соответственно, их низведение до состояния «социально отличных» или «маргинализируемых» определяется не реальным социально-экономическим статусом, а отношениями доминирующей группы к их социальной независимости в качестве «обслуживающего слоя» или «отмирающей группы».

Так как достиженческие способности не востребованы, надежды на индивидуальные усилия или возможность «завязать полезные знакомства» явно недостаточны для уменьшения социальной зависимости большинства населения. Как известно, в бизнес-элитах господствует дух «должности», а не профессионализма, и в лучшем случае выходцам из низов уготована судьба менеджеров «среднего звена». Не случайно З. Т. Голенкова, анализируя новые социальные неравенства в российском обществе, не склонна рассматривать менеджеров как наиболее конкурентную группу, которая могла бы противопоставить «должностной зависимости» существование талантов, способностей, организаторских навыков. Несмотря на утверждение частной собственности, менеджеры обладают достаточной автономностью, чтобы «претендовать на высокие заработки, но явно не дотягивают до того, чтобы стать «лидирующей группой», ориентированной на изменения в социальной структуре российского общества для устранения препятствий ее демократизации и сбалансированности»⁷.

Социальная структура современного российского общества представляет проекцию должностной зависимости, так как в ней конфигурация социальных отношений определяется возможностями принуждения и использования компетентности и авторитета государственных структур. Конвертация власти и денег является наиболее привлекательным и эффективным каналом социального восхождения и определенной социальной самостоятельности, способности принимать решения и устанавливать правила «игры». Крупный бизнес настроен на «несоревновательность» в силу «прекращения ротации» и связи с высшей бюрократией, мелкой и средней, выживающей благодаря использованию «серых» схем и содействию «заинтересованных структур», ориентирован на монополизацию и действия в автономном от общества режиме. Для представителей мелкого и среднего бизнеса установлены ограничения «должностного роста», несовместимости «выживания» и профессионализма в регулировании социальных отношений.

⁶ Социальная стратификация российского общества. М., 2003. С. 235.

⁷ Россия: Трансформирующееся общество. М., 2001. С. 97.

Параграф 2 «Социальный микроуровень: модификация социальной зависимости» посвящен исследованию влияния активности на социальном микроуровне на уровень и характер социальной зависимости в российском обществе.

Автор считает, что на социальном микроуровне предпочтение семьи и «круга близких» приводит к трансформации должностной зависимости в эффект «негативной солидарности». Россияне предпочитают идентифицировать себя по формуле «такой же, как все», усиливается неудовлетворенность и отчуждение, но это не способствует социально-профессиональной переориентации или отношению к семье как институту социализации. Характерно, что только 19,2 % респондентов согласны с утверждением, что «власть вынуждена брать ответственность на себя, так как россияне не хотят «быть ответственными за страну»⁸. То есть только каждый десятый респондент признает, что «замыкание» в круге близких делает безальтернативным тяжелое бремя власти. Остальные, т. е. абсолютное большинство, уверены в том, что либо центральная власть для того и существует, чтобы устанавливать правила игры для всех и контролировать их соблюдение, либо в ее руках сосредоточены финансовые и властные ресурсы, не имеющиеся в достаточной степени ни у населения, ни у местных властей. В социальном взаимодействии образуется «люфт» между социальным микро – и макроуровнем. Население в силу разобщенности, индивидуализма и стремления «иметь деньги» не продуцирует совокупный эффект изменений снизу. Власть, ориентированная на корпоративизм, ограничивается только тем, чтобы «общество находилось в стабильности», то есть социальный протест не принял открытые формы и не представлял «вызова» власти.

Сегодня большинство населения перенесли усилия в «благополучие семьи», складывающееся с потребительским насыщением, так как другие каналы проявления «социального взросления» практически закрыты. Эта «однобокость» вызывает упрощение социальных связей, и даже в социальной взаимопомощи доминируют «денежные ссуды». По характеру взаимодействий на социальном микроуровне можно сделать вывод, что стремление решать собственные проблемы накладывается как на неразвитость социальной самореализации, социальную агрессивность, так и на «ограничение» возможностей самореализации в виде «эффективной занятости» и «хороших заработков».

Социальный микроуровень российского общества является совокупностью атомарных социальных структур, действующих в режиме «автономного выживания», и, хотя респонденты ссылаются на частоту контактов с друзьями, данная позиция является скорее желательной, чем реальной. В обществе социальное безразличие и одиночество становятся нормой взаимодействия, особенно в «бедных» слоях населения, бедность в российском обществе – это проблема социального исключения целых групп населения, которые вынуждены жить, не имея никаких социальных перспектив и даже не

⁸ Бюрократия и власть в новой России: позиция населения и оценки экспертов. С. 20.

имея права на признание в бедности, чтобы не вызвать диффамацию у хорошо адаптированных слоев.

Стремясь уйти от должностной зависимости, индивиды попадают в «зависимость от себя», то есть вынуждены считать, что они неудачники, лентяи. Под выражением заниженной социальной самооценки происходит саморазрушение, или личность доходит до крайней формы социальной и культурной деградации. Эти люди, находящиеся в состоянии социальной эксклюзии, лишены социальных ресурсов, устойчивых связей, утрачивают социальные навыки и связующие ценности социума⁹. «Социальное дно» в большей степени влияет на социальные отношения микроуровня, чем образ жизни праздного класса, хотя бы потому, что перспектива «скатиться вниз» в четыре раза превышает вероятность социального возвышения. Социальная взаимопомощь слаба, иерархизирована и «собственных ресурсов» или «ресурсов семьи» часто недостаточно, чтобы противостоять негативным внешним влияниям.

Таким образом, считает автор, активность на социальном микроуровне не способствует минимизации социального дистанцирования как социального клиентелизма или «выпадения» из социальных структур, скорее продуцируя «социальную профильность» как форму социальной иммобильности.

В параграфе 2.3 «Социальное участие как альтернатива социальному дистанцированию» рассматривается социальное участие как состояние социальных отношений, минимизирующее последствия социальной зависимости в социальном поведении и социальных настроениях россиян.

Можно предположить, что социальное участие ориентирует на принятие базисного консенсуса, признание базисных социальных ценностей и норм социального взаимодействия, а также социальное доверие, как в межличностном, так и институциональном аспектах. Большинство населения демонстрирует невысокое доверие к социальным и прежде всего государственным институтам в оценке своей возможности «влиять на ситуацию в обществе». И дело здесь не в пресловутом «анархизме» россиян, которые могут «нормально жить» только в сильном государстве. Серьезного обсуждения заслуживает отношение общества к своему участию в социальных отношениях, а также, каким-то образом влиять на происходящие процессы.

Диссертант отмечает, что в современном российском обществе не сформировались представления о границах сферы участия отдельных индивидов и социальных групп, вернее, воспроизводится матрица «нескоординированных социальных отношений», вера в безграничные возможности «должности». Отсюда живучесть формулы советского времени «моя хата с краю» и если кто-то виноват в бедах страны и общества, то это «не имеющие должного контроля» чиновники.

Подчеркивается, что социальное участие в российском обществе определяется независимостью или использованием барьеров (кастовых,

⁹ Бедность и богатство в современной России: состояние и прогнозы. М., 2003. С. 52.

сословных, иммобилизационных). На наш взгляд, россияне привыкли видеть свободу, как деятельность без определенных ограничений, а не в качестве полного социального участия. М.А. Шабанова, анализируя последствия общественного партнерства в стране, отмечает, что в достиженческих стратегиях населения вообще формируется анархический образ рыночной свободы¹⁰. Так, 80 % опрошенных¹¹ рассчитывают на правовую свободу экономической деятельности и предпринимательства, право частной собственности на средства производства, наряду с гарантированной занятостью и достойным доходом. Однако эти надежды не оправдываются, что выразилось во вхождении в жизнь россиян социального расслоения, бедности и безработицы.

Возможно, когда доля акторов социального участия, выглядящего как «организованное взаимодействие» в государственных и общественных структурах, при стратегии опоры на собственные силы, когда доля тех, кому с трудностями помогли справиться органы власти, составляет всего 1 %¹², трудно рассчитывать на высокую готовность населения включаться в социальное участие, совмещение действия по контролю и регулированию социальных отношений. Можно сказать, что в обществе сформировалась картина «отложенного» или «частичного участия», то есть проявляется готовность к социальному партнерству в будущем, когда начнут действовать институты сплочения интересов и восстановится социальное доверие, или участие воспринимается как деятельность для достижения исключительно групповых целей, для решения проблем, которые невозможно преодолеть «личными усилиями».

Таким образом, замечает автор, если наблюдается интерес к достиженческим качествам, то в виде образованности, что не спасает респондентов от социальной неуверенности. Данное предположение подтверждается «реализмом» жизненных претензий, демонстрацией социальных амбиций. Рассчитывая на «друзей» и «семью», респонденты позиционируют успешность социальных отношений, которые обусловили практический выбор в, казалось бы, далеких от «микросоциума» сферах. Социальное участие проявляется между «повседневностью» и «сферой политики». Ориентируясь на удаление от власти, респонденты усиливают возможность привлечения власти в «частную жизнь», так как у них отсутствует опыт «выработки» схем социального участия, отношения основываются на «доброй воле» власти предложить обществу право участвовать в социальной жизни.

Социальное участие, по мнению автора, либо отождествляется с властью, либо относится к сугубо приватной сфере, то есть не признается его самостоятельность, значение в интеграции повседневности и «властных отношений», когда социальные агенты, исходя из предложенных интересов,

¹⁰ Шабанова М.А. Социальная адаптация в контексте свободы // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 81.

¹¹ Там же С. 80.

¹² Шабанова М.А. Социология свободы: трансформирующееся общество. М., 2000. С. 250.

производят социально значимый эффект, оказывают давление на власть или заключают договор относительно стратегии социального развития. Ведь, если респонденты настроены на сохранение образования, то существует шанс «быть в партнерстве» с властью, потому что в российском обществе, несмотря на сложности образования, образованные слои составляют большинство населения по сравнению с идентифицируемыми турецким или бразильским обществами. Однако проблема состоит в том, что хорошее образование респонденты связывают с надеждой получить хорошо оплачиваемую и престижную работу и, в гораздо меньшей степени, с гражданскими позициями.

Диссертант подчеркивает, что социальное участие, хотя и формируется в российском обществе в недостаточной степени в соответствии с потребностями инновационного развития, реализуется в практиках действующих гражданских структур и находит поддержку в сегментах среднего класса, ориентированного не на мелкий бизнес или сферу обслуживания, а на использование интеллектуального и профессионального потенциала.

И так, социальное участие выступает альтернативой социальному дистанцированию, поскольку открывает перспективу социально-достиженческим отношениям и базисному социальному консенсусу, что выражается в тенденции формирования в российском обществе «среднего класса», использующего не должностную ренту или ресурс социального клиентелизма, а достигнутые интеллектуальные, профессиональные и гражданские позиции.

В главе 3 «Институционализация социальной зависимости: непрозрачность массовых социальных практик» характеризуется институционализация социальной зависимости как процесс селекции институциональных ресурсов в соответствии с диапазоном социальных интересов акторов социальных отношений.

В параграфе 3.1 «Формальные и неформальные правила как регуляторы социальной зависимости» содержится анализ формальных и неформальных норм, регулирующих и ориентирующих на легитимацию социальной зависимости.

Отмечается, что формальные позиции ориентированы на схему «рационального человека», который руководствуется личным мнением в рамках «ответственного эгоизма». Однако в условиях доминирования должностной зависимости, административной практики принятия норм, их действия в зависимости от желания и воли «монополиста», формальные нормы рассматриваются инструментально, адаптируются к достижению групповых и индивидуальных интересов. И если формальные нормы служат помехой на пути быстрой прибыли или увеличивает издержки, то их действия преднамеренно ограничены. Ведь с формальными нормами связана необходимость повышения конкурентоспособности на основе технологической и профессиональной реконструкции, внедрения новаций в организацию производства, рост зарплат работников. Российские экономические агенты действуют по «серым» схемам, где институционализируются и формальные, и неформальные нормы. Конечно, к несоревновательной зависимости подталкивает иерархия складывающихся отношений, поскольку агенты трудовых и экономических отношений начинают понимать, что только «должностной статус» дает

возможность определения собственной экономической компетенции. Слой работодателей ориентирован на нарушение формальных норм, прежде всего в сфере уплаты налогов, социальных и трудовых прав работников. Предприниматели часто уверены, что лучше «заплатить» чиновнику, чем государству, что обойдется якобы «дешевле» и даст некоторые гарантии в отличие от «непредсказуемого государства».

Можно сказать, что в системе трудовых отношений должностная зависимость способствует «легитимации» прагматических качеств, отодвигая на второй план компетентность. Актуализируются качества, связанные с адаптацией к неконкурентной, монополизированной среде: неразборчивость, групповой и индивидуальный эгоизм, потребительское отношение к людям. Рискнем предположить, что предприниматели реализуют потребительское отношение к людям, так как сами становятся объектом вымогательства со стороны чиновников, и мотивация патернализма, заботы о работниках не вписываются в схему отношений по причине ее неэффективности: предпринимателю легче договориться с контрольными инстанциями, чем «повысить затраты» на работника. Отсутствие правовых норм, которые хотя бы сдерживали потребительское отношение к людям, ориентирует предпринимателей на игру «без правил», в которой работники заведомо являются стороной, принимающей условия работодателя.

Формальные регуляторы становятся инструментом выявления конфликта, а не его разрешения. При восприятии формальных норм «избыточными» или неэффективными нетрудно ожидать, что не имеющий доступа к праву и не ориентированный на использование ресурса права индивид вынужден руководствоваться приближенностью к «начальству».

Формальные нормы принимаются для легитимации асимметрии трудовых отношений и практически «табуируются» в достижении социального партнерства, как состояния позитивного нейтралитета. Хотя можно отметить точки соприкосновения работников и руководителей (повышение качества рабочей силы, укрепление престижа предприятия, высокие заработки), это, однако, не означает достижения режима «постоянного диалога». Система должностной зависимости допускает «сделку», в которой, в отличие от диалога, позиции определяются «выигрышем за счет третьей стороны», необязательностью выполнения договоренностей и конкретной расстановкой сил.

В обществе слаб и «отложенный спрос» на социальную состоятельность, самостоятельное участие, потому что только каждый четвертый россиянин разделяет необходимость демократических и гражданских ценностей. В ситуации доминирования удовлетворения материальных ценностей влияние должностной иерархии расширяется, так как к «склонности» на принуждение присоединяется монополия на регулирование социальных отношений. Формальные нормы имеют смысл только при эффекте «полезности», и дело не в том, что среднему россиянину «безразлична демократия», скорее ему хотелось бы, чтобы демократия имела социальную эффективность.

К современному российскому обществу явно не подходит концепция «социального градуирования» У. Бека, согласно которой различия между

группами «провисают» в сфере повседневности, и социальные интересы перемещаются в сферу процедуры принятия решений и установления правил. Существующая социальная дифференциация закрепляет за базисными социальными слоями неформальные правила, которые отчасти навязываются правящим классом, отчасти являются следствием низкой социальной самоорганизации. Формальным нормам поэтому присущ «демонстративный эффект»: доминирует установка, что они заведомо не выполнимы, декларативны и нуждаются в совершенствовании. С другой стороны, и те, кто обладает правом на нормотворчество, преднамеренно делают их противоречивыми, нереализуемыми, пользуясь либо аргументами «незрелости общества», либо исходя из нехватки финансирования. В обществе очень низок авторитет законодательной власти, так как у большинства россиян складывается впечатление, что законотворцы либо непрофессиональны, либо «истолкуют» законы, исходя из лоббирования интересов правящего класса, элитных слоев.

Такая «асимметрия» формальных и неформальных норм легитимируется на уровне рассуждений «о невосприимчивости россиян к праву», то есть обществу внушается мысль о праве на «нарушение норм» и «жизнь по понятиям».

Если же исходить из логики диссертационного исследования, деформализация социальных отношений усиливает несоревновательную зависимость, так как при деуниверсализации формальных норм, их влияние зависит от отдельного, конкретного продвижения власти, что влечет произвол и неравенство. Большинство россиян не могут «выбратся» из состояния зависимости потому, что засилье неформальных норм блокирует легитимные каналы социальной стабильности, обесценивает достиженческие социетальные качества, сводит деловитость к предприимчивости, профессионализм – к «умению ладить с нужными людьми», законопослушание – к «преданности начальству». При таких предпочтениях у большинства граждан низок стимул к социальной, профессиональной, правовой компетенции, и социальная зависимость рассматривается как желание поддержки сильного, обладающего властью, социальная карьера осмысливается как везение и не вызывает ассоциаций, связанных с профессиональным ростом, организаторскими способностями, самоидентичностью. Неформальные нормы, конечно, выполняют конкурирующую функцию в горизонтальных социальных отношениях, адаптируют формальные нормы к социальным потребностям, но социально эффективны только в той мере, какая сохраняет универсализм формальных норм, их прозрачность и равный доступ к ним.

Параграф 3.2 «Социальный контроль и социальная зависимость» характеризует смещение социального контроля в сферу «принуждения» как следствие социального дистанцирования зависимости и дефицита социального самоконтроля.

Социальный контроль в современном российском обществе находится в кризисном состоянии: имеется в виду, что традиционные формы контроля, связанные с интеграцией в «коллективные общности» и привязкой институтов социализации к партийно-государственной системе, перестали действовать и потеряли правокомпетентность, а нормы самоконтроля слишком слабы, чтобы сделать социальный микроуровень сферой, в которой реализуются

основы социального порядка. На наш взгляд, большинство населения России, так или иначе воспринимая традиционный иерархический контроль, весьма парадоксально относится к самоконтролю, отвергая принуждение даже в виде робких и несанкционированных попыток восстановить элементарный социальный порядок, при том, что население ориентировано на контроль со стороны государства.

На таком фоне самоконтроль относится к сфере социальных отношений в виде социальной лояльности к «высшему по должности» и насаждается культ презрения к несостоятельным членам семьи. Диссертант отмечает, что при депривации семьи, как высшей жизненной цели, россияне оказываются не привержены семейным устоям, не отличаются крепкой семейственностью. Очевидно, парадоксальность заключается в том, что семья перестала быть пространством социального контроля, относится к «сфере вседозволенности». Если формирование гражданских позиций в семье поддерживают только 10,4 % респондентов, семья противопоставляется обществу, а умение постоять за себя (49,5 %) выглядит как ориентация на социальную агрессивность. Российские исследователи отмечают, что безопасный и комфортный мир сузился до масштабов квартиры, дачи, семейного окружения¹³, и нетрудно догадаться, что семья не только перестает быть проводником внешнего социального контроля, но и не сочетает воспитание детей с их успешной интеграцией в общество. Вместо формирования «современной личности» можно ожидать массовизации социальной безответственности и недоверия к другим. Самоконтроль предполагает развитие социальной эмпатии, кооперации, самоограничения социальных претензий и подавление эгоизма, что не вытекает из тех задач, которые ставят большинство российских родителей.

Выявлено, что у большинства населения России высокая должность определяется «бесконтрольностью», поэтому претензии к правоохранительным структурам и армии исходят из их несоответствия «структурам порядка», но по отношению к «чиновникам» не формулируются задачи их социального контроля: «начальство» может быть только справедливым, но никак не подконтрольным. Так как отсутствует формула социального контроля, по которой общество имеет право «требовать ответственности» за свою деятельность «компетентных лиц», социализационный эффект и в семье, и в других социальных институтах (армия, вуз, сфера производства) ограничивается выражением «демонстративной лояльности», допускающей нарушение социальных, по необходимости, формальных норм. В российском обществе, по мнению диссертанта, первичная социализация замыкается на формировании умения «постоять за себя» и «принятии рисков внешнего мира». Индивид ориентируется на «обособленность», создание «зон безопасности» на уровне социального микромира, и его вклад в большой мир ограничен рамками должностной вертикали. Это означает, что самоконтроль связан с необходимостью «не стать жертвой», не оказаться в положении проигравшего,

¹³ Российская идентичность в условиях трансформации. М., 2005. С.

что подразумевает только «частичное» применение формальных норм, прежде всего для обеспечения личной безопасности.

Внешний социальный контроль представляется респондентам социально эффективным в функционировании социальных отношений. Поэтому журналист и преподаватель не воспринимаются как носители общественного контроля, как те, кто может от имени общества претендовать на контроль государственных структур или быть референтным и в отношении самоконтроля.

Хотя в установках респондентов на социальный контроль содержится признание группового давления, человек может осуществлять внутренний социальный контроль, реально находясь в больших социальных группах. При этом автор отмечает, что для большинства россиян характерно избегание социального контроля посредством включения в социальные микрообщности, что готовность к социальному контролю ограничивается кругом близких.

С точки зрения диссертанта, вхождение в социальные и социально-профессиональные группы характеризуется отсутствием социального контроля, так как группы слишком слабы, чтобы претендовать на групповое давление. За группами оставляется право «негативной солидарности» по отношению к чужим, но группе отказывается в возможности изменять порядок самооценки к индивиду. Поэтому в российском обществе отдают предпочтение профсоюзам, как структурам социального соглашения. Помимо дискредитированной практики коллаборационизма, альянса с начальством, профсоюзы воспринимаются менее эффективными по сравнению с «умением наладить отношения с начальством» индивидуально.

Социальный контроль определяется социальной зависимостью. Потому что, во-первых, такие формы социального контроля, как социализация и групповое давление, малоэффективны и ограничиваются социальным микроуровнем. Во-вторых, в системе социальных отношений индивиды и группы ориентируются на иерархию должностных статусов, то есть полагают, что социальный контроль дозируется согласно должностной иерархии. Однако, в-третьих, используются не формализованные процедуры, обеспечивающие хотя бы «равенство перед законом», а неформальные правила, которые и выступают аналогом социального контроля. Дело в том, что неформальные нормы «вуализуют» принуждение, когда вера в возможности «неформального соглашения» подрывает развитие социального самоконтроля, когда индивид или группе внушается, что «неформальные сделки», уступку в использовании прав можно «возместить» большими достижениями в осуществлении целей, нежели адекватностью формально-правовым нормам или включенности в социально-профессиональные комплексы. В-четвертых, социальный контроль воспринимается как «покушение на частную жизнь».

Очевидно, что свернутость социального контроля, его сведение к давлению и принуждению нейтрализуют перспективы становления симметричных социальных отношений, как системы взаимных обязательств. В российском обществе социальный контроль фактически осуществляется как следование нормам «преданности начальству». В то время как не подчинение нормам считается «ненаказуемым» действием, хотя и содержащим социальные и экономические риски, выяснено, что, позиционируя желательность социального

контроля как отложенную надежду, население одобряет повышение уровня социального САмоконтроля как условия баланса экономической и социальной самостоятельности граждан и интересов поддержания и функционирования социального порядка.

В параграфе 3.3 «Поведенческие стратегии россиян: воспроизводство и производство социальной зависимости» обосновывается положение о поведенческих стратегиях как практиках воспроизводства и производства социальной зависимости.

Автор предполагает, что в своем социальном поведении россияне ориентируются на определенные социальные цели, связанные с удовлетворением индивидуальных и групповых потребностей. В российском обществе поведенческие стратегии реализуются на фоне неформальных социальных практик и узкого коридора институциональных возможностей. Хотя большинство россиян преодолели «шок от реформ», это в большей степени связано с утратой прежних социально-статусных позиций, смещением социальной активности на микроуровень, включением в конвенциональные отношения. На наш взгляд, на преодоление шока было затрачено достаточно личных и групповых ресурсов, чтобы предположить, что большинство людей так и не нашли адекватного ответа на вызов социальной среды. Опровержение или подтверждение выдвинутого положения связано с анализом социального поведения, который включает: а) жизненные цели; б) способы достижения жизненных целей; в) формы социального взаимодействия.

Если человек находится в ситуации наличия баланса между выбором целей (горизонтом желаний) и ограниченным набором ресурсов, необходимых для их реализации (горизонтом возможностей), то, как установил диссертант, существует определенное противоречие между целями, которые формируются у индивидов в российском обществе, и теми возможностями, которые предоставляет институциональная среда. По классификации, предложенной Л.А. Беляевой, – «преуспевающих», «адаптированных» и «выживающих» – к первой группе относится 6 % респондентов, ко второй и третьей – соответственно 21,2 % и 29,5 %¹⁴. Представленные позиции можно считать презентативными, так как они совпадают со сложившейся социальной структурой российского общества.

«Преуспевающие» представляют инновационный тип, поскольку на первом месте у них стоит работа, в то время как «адаптированные» и «выживающие» заявляют о приоритетности «семьи и дома». Однако настораживает тот факт, что образование, квалификация, как достиженческие личные ресурсы, как способы повышения социальной самостоятельности, занимают только четвертую позицию у сторонников инновационной стратегии. Инновационность в российском обществе определяется ни «лидерством» в освоении новых социально-профессиональных ниш, ни вкладом в новые секторы экономики, ни созданием новых стилей жизни, а скорее, привлечением уже имеющихся социальных ресурсов. Для подтверждения этого положения необходимо обратиться к структуре расходов тех, кто причисляет себя к

¹⁴ Кто и куда стремится вести Россию? М., 2001. С. 329.

«среднему классу» и может считаться по образовательному, квалификационному статусу, по образу жизни обладателем достигшего, модернизационного потенциала.

В настоящее время инновационный слой делает значительные затраты на покупку или строительство жилья (42,7 %), питание, медицинские услуги (78,1 %), поездки за рубеж (41,7 %) ¹⁵, приобретение предметов длительного использования. Иными словами, инновационный слой российского общества не готов к инвестиционному поведению, т. е. вкладыванию средств в будущее (бизнес, образование, квалификацию). Вероятно, инновационное поведение в российском обществе ограничено, лимитировано как институциональными возможностями, так и социальным самочувствием тех, кто предпринимает усилия по повышению социально-статусных позиций, разделяет достиженческие устремления.

В России сегодня стремительно растет число «лиц без определенных занятий», что имеет негативные социальные последствия, так как из сферы легитимной деятельности выпадает большая доля лиц экономически активного возраста, сужаются и возможности адекватной социальной политики, когда социальная поддержка направляется не по адресу. Подобная ситуация усиливает несоревновательность, снижает потребность в освоении деловых и корпоративных качеств и навыков. Инновационность перемещается в сферу передела имеющихся социальных ресурсов, связана с правилами «паразитической инновации», экономическими преступлениями (обман, уклонение от налогов, продвижение контрафактной, несанкционированной продукции, финансовые аферы и махинации, перекупка товаров).

В настоящее время инновационные поведенческие стратегии россиян ориентированы на использование институциональных лагун и дефектов, неформального социального капитала, что способствует воспроизводству социальной зависимости. Во-первых, «инноваторов» устраивает асимметрия социальных отношений, так как при дисбалансе групповых и общесоциальных интересов целые социальные слои «выпадают» из системы социального контроля и социальной ответственности. Если «верхи могут жить по понятиям», то социальные низы переходят на «автономное» существование. Во-вторых, в российском обществе ограничены возможности восходящей социальной мобильности, и «преодоление» советского «аскетического синдрома» средним и молодым поколениями сопровождается дефицитом институциональных возможностей для легитимной социальной карьеры. Поэтому стремление «обогатиться» или «жить не хуже других», не «впасть в бедность» подкрепляется поиском индивидуальных и групповых способов преуспевания. Так как верхние слои живут в огромном отрыве от остального населения, не заинтересованы в рекрутировании новичков и страдают потери монополии на социальные ресурсы, «инновации» ориентируются на неформальные социальные отношения, независимость от государства и общества.

Диссертантом выявлено, что адаптационное поведение, которого придерживается большинство российского населения (60 %), ориентировано на

¹⁵ Россия на рубеже веков. М., 2000. С. 271

«приспособление к изменениям», выживание, преодоление социокультурного шока, вызванного переменами в общественной и личной жизни. До сих пор в большей мере преобладали вынужденные и разрушительные адаптации¹⁶. Вероятно, решающее значение имели и стремительные преобразования, основанные на том, что «под напором обстоятельств» человек изменяется, и некомпетентность большинства населения о целях и способах рыночных преобразований.

Подчеркивается, что о готовности к рынку в начале реформ заявляли 18 % опрошенных, но и спустя шестнадцать лет, их доля существенно не увеличилась; хотя 58 % россиян в 2001 г. считали, что реформы, в конечном счете, дадут позитивные результаты, только 17,8 % полагали, что ситуацию можно назвать хорошей, внушающей оптимизм. Иначе говоря, признаются позитивные перемены в сознании и поведении большинства россиян, но эти сдвиги в большей степени связаны с отложенностью на будущее «лучшей жизни». Поэтому можно констатировать «синдром усталости»: растратив ресурсы «советского прошлого» (материальные накопления, профессиональные знания) сторонники адаптационного поведения одобряют «стабильность», «наведение порядка», которые давали бы какое-то ощущение «предсказуемости» и уверенности в будущем. Вот почему относительно высок авторитет, казалось бы, несоревновательных институтов (армия, церковь), а значение рынка, как ориентира поведения, как института, дающего возможность автономии, самореализации и социального комфорта, так и не определяет поведение и настроение людей. Можно предположить, что рынок в российском восприятии так и не стал каналом социальной мобильности, что рыночный поворот при всей привлекательности не воспринимается безусловным достижением на фоне бедности 60 % россиян, инфляции, роста цен, а также нестабильности сырьевой экономики, криминализации социальной сферы.

Разумеется, в поведении тех, кто не воспринимает рынок по мировоззренческим позициям, наблюдаются определенные коррективы. Во-первых, большинство россиян осознают, что возврат к советскому прошлому невозможен. Во-вторых, происходит «переориентация» мотивации социальной и экономической активности. На первое место выдвигаются «высокие заработки» и «хорошая работа». В-третьих, очевидно падение интереса к общественной и политической деятельности, уход в личную жизнь, приватную сферу. Вместе с тем, отмеченные сдвиги не означают перехода к «автономному» поведению, ориентированному на ответственный индивидуализм, самостоятельность через использование демократических и рыночных институтов.

Иными словами, без обладания материальной и институциональной собственностью, социальная зависимость определяет не только поведение в публичной сфере, но и на уровне микросоциума. Адаптационное поведение не переходит в поведение, связанное с мобилизацией личных ресурсов, так как используются либо ресурсы «прошлого», либо усилия направлены на достижение «социального минимума».

¹⁶ Шабанова М.А. Социальная адаптация в контексте свободы. С. 85.

Социальные издержки адаптационного поведения включают: а) привыкание к выживанию; б) неготовность к переменам профессии, переквалификации; в) нежелание открыть собственное дело; г) преобладание ресурса терпения над остальными социальными ресурсами.

В конечном счете, используя узкий диапазон возможностей (заработная плата по месту работы, экономия семейного бюджета, социальные льготы), сторонники адаптивного поведения не ориентированы на социальное участие. И дело не в формуле «бедный не свободен», гораздо важнее, что адаптивное поведение предполагает социальную зависимость, как норму социальных отношений, которая не может быть отменена внедрением правовых институтов или развитием рыночной экономики. Приоритетами адаптивного поведения являются стабильность и терпение, что означает признание права «сильного» на установление правил игры. К тому же, как мы отмечали, для сторонников адаптивного поведения «государство» имеет первостепенное значение по сравнению с рынком: несоревновательность и представляется единственной возможностью социальной справедливости. Отрываясь от формулы «обогащения», осознавая ее недостаточность, адаптируемые ориентированы на то, чтобы «все жили скромно», то есть в пределах знакомой по советскому периоду «допустимой бедности».

Итак, то, что принимается разумным по своим целям (рынок, свобода), для большинства адаптирующихся означает, что отсутствует возможность выработки позитивной ответной реакции, к которой могли бы «присоединиться» инициаторы перемен, группы социального влияния. Однако сторонники адаптирующегося поведения в большей степени ориентированы на «личности», а не правила, что открывает простор социальному и политическому популизму, реализации формулы «заботливая власть – покорное население». «Инновационные» группы населения слабо ориентированы на согласование интересов в силу разделенности форм социального представительства и автономии от общества формальных институтов.

В главе 4 «Социальный выбор россиян: транзитивность социальной зависимости» анализируется социальное самочувствие россиян в контексте влияния на его состояние существующих форм социальной зависимости в российском обществе.

В параграфе 4.1 «Социальная зависимость в формировании социальной самооценки россиян» обосновывается положение о неадекватности социальной самооценки россиян, как следствие доминирования социального дистанцирования.

В диссертации подчеркивается, что на социальную самооценку, влияет социальное дистанцирование, так как, стремясь избежать неопределенности, социальной неуверенности, россияне избегают от социальной ответственности, утрачивая интерес к тому, что выходит за пределы их повседневности.

Это показывает иерархия оценок, которые прежде всего содержат лидерство проблем личного существования (благополучие, безопасность) и отдалены от происходящего в стране. Поэтому о стремлении россиян к «необходимым переменам» приходится говорить с натяжкой. Ведь, по мнению

респондентов, даже если они ощущают желание изменить свою жизнь, то в первую очередь – расстаться с надеждами, что кто-то позаботится об их судьбе.

Социальная самооценка исходит из того, что только личный успех измеряет самостоятельность индивида, и ориентация на общество и государство только повышает чувство социальной незащищенности.

На наш взгляд, социальная самооценка определяется формулой «жить не хуже других», что выражает отсутствие базовых установок, связанных с фундаментальными ценностями.

Социальная самооценка включает: а) социальные притязания; б) возможность их реализации на основе личностных и групповых ресурсов; в) достигнутые результаты жизнедеятельности.

Но большинство россиян, соглашаясь с тем, что общество находится в состоянии кризиса, не переносят данное ощущение на собственное состояние. И хотя только у меньшинства дела идут по плану, «жизнь диктует свои условия», социальная самооценка ориентирована на завышение, так как неверие в свои силы выталкивает человека на обочину жизни. Иначе говоря, он является «невольным оптимистом». Выдвинутое предположение подтверждается разрывом между социальной неуверенностью и уверенностью в своих силах, нежеланием бороться за восстановление социальной справедливости и желанием обрести справедливость в своей жизни.

По мнению диссертанта, социальные притязания россиян противоречивы: с одной стороны, действует принцип социальной аскезы, унаследованный от советского периода, с другой – россияне настроены на потребление и даже «топоголизм», культ потребительства. Социальная самооценка поэтому измеряется возможностью удовлетворения социальных предпочтений, среди которых стратегическими объявляются «обладание вещами длительного пользования» и «счастливая семья». Так как определяющим является «приобретательство», так «духовные запросы» носят демонстративный характер, действует правило «дефицита»: престижность определяется недоступностью ресурса, как, например, личная библиотека в недавнем советском прошлом. Социальная самооценка регулируется нормами успеха, который в базисных социальных слоях до сих пор задан еще советскими критериями благосостояния (автомобиль, дача, квартира, новейшая бытовая техника).

Социальная самооценка, таким образом, направлена на преодоление диссонанса между свободой на социальном микроуровне и зависимостью в социальных отношениях. Мы считаем, что важным в социальном самовыражении является не сравнение с тем, как жил прежде, хотя ретроспективность проявляется достаточно очевидно, а «возможностями в настоящем».

Социальные претензии россиян включают как традиционные, связанные с образованием, здоровьем, семейным счастьем, воспитанием детей, так и новые, «рыночные» – с приобретением собственности, страхованием, кредитом. И здесь проявляется то, что можно назвать «синдромом прошлого», то есть с трудом, непониманием, неприязнью респонденты воспринимают грядущие расходы на медицину, то есть поддержание здоровья, образования.

Иначе говоря, они готовы «платить» за то, что считают капиталистическим благом, но демонстрируют нежелание расставаться с завоеваниями социализма.

Так как население находится в условиях несоревновательной социальной зависимости, не в состоянии влиять на деятельность государственных структур, оно оценивает «коммерциализацию» социальной сферы как становление безответственности чиновников, как неправовой отъем социальных благ, по праву принадлежащих всем гражданам.

Иными словами, несоревновательная зависимость воспринимается позитивно в смысле обеспечения социальной стабильности и социального комфорта, в то время как в существующей иерархии социальных должностей эквивалент предлагается в виде «свободы действовать в определенных по социальным позициям пределах». Социальная самооценка, как социальная номинация, основывается на потенциальности той или иной группы в системе социальной зависимости. Если группа имеет, исходя из социального опыта, установки на лояльность в силу «естественных» причин, не является потенциально активной, к ней применима только «адресная социальная помощь». Сельские жители становятся объектом административного давления потому, что их жизнь в силу низкой социальной и территориальной мобильности, точнее, невозможности избежать должностного давления и принуждения, открыта контролю и не обладает дозволенным минимумом индивидуальной свободы, свойственной жителям мегаполисов. Группы, которые «опасны» с позиции удержания социальной зависимости, подвергаются разделению, использованию административного, правового, негативного давления или «задабривания», получению определенного объема влияния на устанавливаемые правила игры (предприниматели, банкиры, менеджеры).

Выявлено, что социальная самооценка, несмотря на влияние несоревновательной социальной зависимости, демонстрирует стремление её преодоления. Ведь в основе социальной самооценки – использование прав, связанных с независимыми социальными институтами. Это выражается, во-первых, в том, что респонденты возлагают реализацию общесоциальных целей на консолидированное общество, а не на касту чиновников. Во-вторых, актуализируется чувство беспомощности, невозможности повлиять на ситуацию, что делает необходимым устранение диссонанса прав и бесправия. В-третьих, проблема социального реванша так называемых «проигравших в результате преобразований» групп заключается в наведении порядка, то есть возможности влиять на политику государства. В свою очередь, «правящий класс» демонстрирует подчеркнутое безразличие к тому, что «думают о них и себе» базисные социальные слои. Для него социальная самооценка имеет значение, если индивид или группа обладают определенным влиянием. Признавая бедность социальной проблемой, не предпринимаются решительные действия по ее устранению, так как бедность представляется заботой прежде всего тех, кто «беден», и вера в эффективность административного ресурса является основной по сравнению даже с минимальной социальной помощью. Намного вернее мысль, что «времена патернализма канули в прошлое», и если что-то можно предложить, так это привычку полагаться на собственные силы, при этом не приглашая к поиску социального консенсуса.

Социальная самооценка в российском обществе является субъективным показателем социальной зависимости, так как ориентирует на достижение только тех целей, которые вроде бы оправдываются «квалификацией», профессионализмом или «честным трудом», но имеют основной смысл – в получении дозы социальных благ согласно «рангу в должностной иерархии».

Иными словами, социальная самооценка определяется ориентацией на нормативизацию «представительства» в социальных отношениях, как «квот», которые бы определял правящий класс. Между тем, социальная самооценка измеряется «общественным договором», тем, как участники социального взаимодействия соотносят свои социальные притязания с общественными целями. Поэтому социальная самооценка объективирована в готовности добиться переопределения социальных позиций, усилить социальную самостоятельность. Однако, отсутствие такого общественного договора выводит социальную самооценку в сферу субъективных или групповых притязаний.

В параграфе 4.2 «Социальная зависимость: в модификации идентификационного выбора россиян» раскрывается влияние социальной зависимости на идентификационные модели российского общества и идентификационные предпочтения российского населения.

Идентификационная картина российского общества, на первый взгляд, контрастна, так что есть отличия от иерархии традиционных идентичностей советского периода, когда индивид проходил заданные траектории социализации. Бросаются в глаза диффузность, неопределенность современных идентификационных моделей, и явно выражена тенденция к смещению идентификации на социальный микроуровень. Если идентификационная ситуация застыла в сторону индивидуального подхода к идентичности, если группы функционируют на основе негативной мобильности, спорно считать, что в российском обществе выявлены интегрированные референтные группы, которые задают «образец» в идентификации, так же необоснованно ставить вопрос об идентификационном консенсусе элит и масс, о том, что элиты могут выдвинуть приемлемый для населения идентификационный сценарий.

На взгляд диссертанта, в условиях несоревновательной социальной зависимости идентификация не настроена выполнять мобилизующую, организующую, консолидирующую функции, не является «и призом» за общепризнанные социальные достижения. Данные предположения нуждаются в эмпирической верификации, в соотношении с реальными идентификационными ориентирами и предпочтениями россиян. Однако можно утверждать, что в российском обществе нет идентификационного кризиса, скорее обнаруживается стремление через идентификацию осуществить неполную интеграцию и продемонстрировать уход от должностной зависимости ценой отказа от правил и норм социального участия.

Поэтому для россиян идентификационный выбор имеет практическое значение: они безразличны к социальным макроидентичностям, содержащим обязанности и не дающим реальных социальных прав. На наш взгляд, эти идентичности удобны для «правлящего класса», и часто респонденты включаются в игру, демонстрируя социальную лояльность, которая не влияет и

не отражает их социальное поведение. В идентификационных предпочтениях россиян можно обнаружить следы социальной зависимости, так как они настроены на стратегии ухода на социальный микроуровень, который оказывается отчасти свободным от принуждения сверху и содержит выбор композиции однозначных, действующих социальных норм. Такой подход определяется завышенной социальной самооценкой на микроуровне и демонстрацией социальной апатии в системе межгрупповых социальных отношений.

Таким образом, инициирование социального дистанцирования выражается в том, что россияне выбирают такие идентификации, которые ориентируют на сохранение позиций или, в лучшем случае, пролонгацию социальных позиций, то есть так называемые «оборонительные идентичности». По идентификационным предпочтениям россиян можно сделать вывод, что их социальная компетентность ограничивается разделением общества на свой комфортный микромир и общество социального риска, в котором идентичности не гарантируют ни благополучия, ни безопасности. Иными словами, социальная идентичность утратила значение «связи с обществом», потребность в коллективной солидарности уступила место поиску «пространства стабильности и безопасности», которую трудно обеспечить в больших структурных идентичностях.

Для идентификационного выбора россиян характерно присоединение к успешно адаптированным группам потому, что признание в дезадаптации диффамационно в условиях отсутствия социальной политики государства и не влечет никаких последствий, кроме сочувствия или презрения со стороны «окружающих». Поэтому для каждого третьего россиянина отождествление с группой успешных определяет возможность веры в собственные силы и демонстрацию жизненной состоятельности. Так как к критериям успешной адаптации не относится гражданская позиция, можно предположить, что население России реально идентифицируется в экономической сфере и не затрагивает, не претендует на более высокие градации социальной идентичности. Диссертант выявил, что условия идентификации связаны с непреодолимостью социальных барьеров, с тем, что в России «заработать хорошо» может только тот, кто находится в состоянии социального фаворитизма, обладает «социальным благом».

Автор делает вывод, что в идентификационных предпочтениях, которые присущи российскому населению, доминирующим является «достижение определенности» ценой сохранения неопределенности, то есть деформализации социальных отношений, отсутствия социетального понимания прав и свобод. Индивиды в идентификации пользуются теми признаками, которые доступны их восприятию, а системные идентификации, «навязываемые» индивидам, если содержат определенные социальные ресурсы, недоступны им. Если с российским гражданством не связывается наличие реальных прав и их защита государством, то гражданская идентичность становится «формальной», в то время как значение обретают негативные солидарности, реально влияющие на позиции индивида в оценке социальных отношений. Признаками «взаимного узнавания» являются не формализованные

процедуры, а близость интересов, «место рождения», карьерные устремления, выходящие за пределы номинационной социальной процедурности.

Итак, социальная идентификация в российском обществе, нацеленная на усиление индивидуальной свободы, реально усиливает значение социального дистанцирования.

Глава 5 «Социальная зависимость в системе российского образования» посвящена анализу институциональных и социально диспозиционных условий, продуцирующих социальную зависимость.

В параграфе 5.1 «Социальная зависимость в формировании института образования» содержится осмысление путей преодоления анонимности института образования, который является пространством формирования социальной компетентности как тенденции смещения социальной зависимости к социальному участию.

Социальные изменения в обществе неизменно вызывают перераспределение приоритетов в образовании. Упрощенная логика диктует выдвигание на первый план функции адаптации, формируя традиционные для образования воспитательную, социализационную и социально – ориентационную функции, делая образование вторичным в системе отношения рынка, государства и общества. Не оспаривая важного значения образования, как социального якоря для молодежи в условиях социальной трансформации, необходимо обратить внимание на сохранение социально – воспроизводственной и социально – ориентационной функций образования, без которых в образовании будут лоббироваться только интересы отдельных групп: бизнесменов, предпринимателей, мелких собственников, чиновников. Российское образование, к сожалению, «выпало» в процессе реформирования из категории социальных институтов, к которым приписывается только институт права, власти и собственности. Тем самым игнорируется та роль, которую вносит образование в модернизацию общества, прежде всего через интеллектуальный и профессиональный потенциал.

Так как образование оказалось на социальной периферии, на него действуют, с одной стороны, инерционность, воспроизводство советских образцов, с другой, спонтанность – выживание в условиях рынка, придание образованию инструментального характера. Как известно, на протяжении 90-х г. актуальной была тема рынка образовательных услуг, восхождение в рынок считалось благом и чуть ли не единственным способом для развития образования, что делало избыточным формирование в системе образования социальной компетентности и обязывало акторов образования применять достиженческие схемы, исходя из внеобразовательных оснований.

Можно также отметить, что образование, в отличие от других сфер общественной жизни, оказалось фактически без государственной поддержки, и дело не столько в недостаточности финансирования, сколько в отсутствии вразумительной и последовательной государственной политики в сфере образования. Упор же на то, что образование должно быть саморегулирующимся социальным институтом, о котором часто заявляют сторонники американской системы образования, на самом деле не учитывает того фактора, что в России 60 % населения живут ниже прожиточного уровня,

образование неизбежно деградирует и в то же время действует такой самоподдерживающийся механизм, как репутационный капитал образования.

Очевидно, что образование в условиях, когда общество находится в состоянии резкой социальной дифференциации, может функционировать, если к нему будут прилагаться критерии не доходности, а социальной эффективности. То есть в образовании происходит «кропотливая» работа по стиранию классовых социально-имущественных неравенств, предоставлению акторам перспектив для осуществления жизненных планов. Специфика российского образования заключается в том, что социальная зависимость общества, отсутствие полного социального участия, извлечение должностной ренты приводят к возведению социальных фильтров на пути получения образования, и, соответственно, социальный интерес к образованию носит прагматический или демонстрационный характер. Конечно, в обществе ведутся дискуссии по поводу перспектив развития российского образования, но они интерпретируются либо в старой государство-поддерживающей модели, либо по схемам рыночной адаптации. Вероятно, образование, если считать его базисным институтом, как раз и обеспечивает расширенное социальное воспроизводство.

Во – первых, по отношению к образованию действует эффект социального опережения, то есть именно в образовании закладываются возможности инновационной деятельности. Во – вторых, образование должно соответствовать не запросам рынка, а формировать эти запросы, то есть именно через образование государство и общество получают уникальную возможность влиять на рыночные механизмы. В – третьих, образование если и приспособляется к рыночной экономике, то только в качестве институциональной системы, а не побочного фактора. Конкретный человек для российского общества означает, что образование включено в систему мотивации личности, и личность интегрирована в систему образования, если говорить о том, что в обществе сохранилась высокая степень социального доверия к образованию. Здесь уместно вспомнить высказывание К. Манхейма, который заявляет о том, что объектом единицы образования является не индивид, а группа.

В более широком контексте институциональные дефекты создают в системе образования барьеры дистанцирования акторов, отсутствия готовности к совместным социальным практикам, которые помогли содействовать сохранению устойчивых педагогических коллективов, доверию между учениками и решению текущих учебных проблем. Акторы образования часто исходят из того, что сами педагоги – это бедные люди, которые вынуждены работать в сфере образования исключительно из-за нехватки деловых качеств или в силу возраста. И, таким образом, снижается влияние институциональных стратегий образования. К сожалению, в России учителя относятся к группе работающих бедных, хотя в последнее время намечаются определенные тенденции повышения заработной платы, престижа образования. Нельзя, наверное, считать эти меры полными и существует необходимость усилий по включению учительского слоя в группы социальной автономии, людей с профессиональной и гражданской ответственностью, с открытостью мышления, с тем, чтобы они преподавали навыки социальной компетентности. В ином случае никакие прибавки не могут кардинально разрешить ситуацию

некомпетентности, в силу вторичной занятости, а также узости социального интереса акторов образования. Как институт, образование может действовать автономно, только развиваясь, в отличие от других институциональных систем, он не может подчинять внешние вызовы собственному языку, образование в этом смысле максимально открытая система, и воздвижение социальных фильтров, просто приводит к разрушению образования.

В сфере образования свобода и рынок означают то, что учащийся должен воспитывать практическую компетентность, но опять же на основе социальной компетентности, чтобы не впасть в последствии в деструктивную социальную зависимость.

Формирование культуры социального участия навряд ли будет возможно, если только, ожидать от государства исключительно социальной опеки, так как это содержит явные риски неисполнимых социальных обещаний и снижает ответственность личности, акторов образования.

В Параграфе 5.2 «Социальная зависимость в установках акторов образования» содержится анализ социальных установок акторов образования, которые в силу их реактивности или стереотипизации не содержат мотивации к наращиванию социальной компетентности, что ограничивает возможности акторов образования в социальной автономии и солидарности.

Важным показателем качества образования является качество человеческого капитала. Как известно, что результаты командной игры зависят от квалификации, состава и слаженности игроков, от того, насколько хорошо они используют установленные правила, достаточно ли сыгрались, чтобы быть конкурентоспособными.¹⁷ Применительно к российской системе образования анализ установок акторов образования на его терминальную ценность, удовлетворенность когнитивным и социальным ресурсами образования, а также способность к социальной кооперации создают возможности выхода из кризиса образования.

Как известно, социальные установки акторов российского образования сформировались в условиях стихийного перехода к рынку, самоустранения государства от реформирования и поддержки системы образования. Конечно, осуществляемые институциональные преобразования открыли простор для деидеологизации и централизации образовательных структур. Так, например, в 2001–2003 уч. году 51 480 учащихся обучались в 1 630 государственных и 1 831 учащихся в 25 негосударственных школах Ростовской области¹⁸, что свидетельствует о дифференцируемости отбора учащихся, о возможности выбора, о учете их способностей. Данная тенденция в то же время усиливает и конкуренцию в борьбе за учеников, то есть приобретает актуальный смысл, замечание К.Манхейма о подготовке конкретного человека для конкретного общества. В то же время нельзя считать, что в системе образования перешли к дифференциации учеников по уровню их

¹⁷ Заславская Т.И. Современное российское общество.// Социальный механизм трансформации. М.,2004. С.164

¹⁸ Михеева Л.П. Социоструктурные изменения в российском образовании. Новочеркасск, 2004 С.56.

компетентности. Если осуществляемый выбор связан только с системой доходов или с установкой на высшее образование, то он скорее подкрепляет прагматические стереотипные оценки образования. При вариативности высшего образования необходимым условием является минимизация социальной зависимости, переход из состояния социальной самодостаточности в практики социального участия. Сегодня, в российском обществе действует форма подготовки к высшему образованию, что в какой-то степени периферизирует общее образование, которое рассматривается только как период неопределенности, период накопления жизненного опыта.

Несомненно, такое восприятие является, по существу, реактивно-инструментальным по отношению к высшему образованию. Если общее образование ассоциируется с подготовкой к вузу,¹⁹ то социальная зависимость воспроизводится в форме доминирования, субдоминантности, разделения жизненных шансов и, в конечном счете, приводит к разединению тех, кто стремится в вуз и тех, кто собирается сразу войти в самостоятельную жизнь, но уже не на основе когнитивных, а неких, выработанных вне образования, социальных ресурсов, напоминающих схемы практического действия Э. Гидденса. Социальная зависимость направлена на компенсацию, снижает жизненные намерения, делая возможным вынужденный, а не самостоятельный выбор формы обучения, или приводит к стремлению получить экономное образование.

Слабая идентификация с институтом образования приводит к тому, что позиционирование в образовании рассыпается на ряд важных, но частных проблем, не затрагивающих судьбы самого образования и не приводящих к повышению потребности в коммуникации. В данных установках скорее содержатся прагматические моменты, связанные с получением диплома, когнитивные же потребности действуют таким образом, что их удовлетворение не приводит к изменению качества человеческого и социального капитала. Можно думать о проблемах повышения качества образования, но нельзя забывать о том, что за этим скрываются две важные вещи: во-первых, то, что действуют достаточно сильные реактивные установки, связанные с адаптацией, самовывживанием, стихийностью и мешающие воспринимать социальную компетентность, как критерий качества; во-вторых, известно, что российское образование требует принятия его как культурно-символического капитала, а не как ресурса социальной инерционности.

Такой факт, что, в среднем по России для 59 % опрошенных на выбор школы влияет близость дома, для 20 % – наличие хороших учителей, для 25 % – отсутствие платы за учебу²⁰, свидетельствует о том, что социальные установки в отношении образования корректируются скорее с определенными социальными стереотипами – бесплатным образованием и хорошими учителями. Но можно ли в таком случае говорить о самостоятельном выборе? Ведь даже

¹⁹ Константиновский Д., Вахштайн В., Куракин Д., Рощина Я.

Доступность качественного общего образования: возможности и ограничения. М., 2006 С.127.

²⁰ См.: Свобода. Неравенство. Братство. М., 2007 С.63.

если считать позитивным наличие хороших учителей, необходимо учитывать, что учитель воспринимается в инерционном советском контексте, как тот, кто подготавливает к вузу, а не как наставник, как носитель компетентно-духовного знания. Вместе с тем, в современных условиях, негативное влияние оказывает фактор бесплатности.

Здесь надо, конечно же учитывать резкую социальную дифференциацию российского общества, однако следует помнить, что представители массовых социальных слоев не готовы вкладывать инвестиции в образование, именно в образование, а не в образовательные услуги, и это выражается в отсутствии мотивации к самоподготовке, к самообразованию. Также необходимо учитывать, что сегодня не существует системы поддержки образования в семье, а школа воспринимается скорее как формальный институт, в котором должны исправлять изъяны семейной жизни. Но самое главное – усиливается депривационный синдром, связанный с разделением на аутсайдеров и богатых, формируется чувство социальной предопределенности. В своих социальных установках акторы не уверены, что всеобщее образование каким-то образом повлияет на их судьбу. Это не касается тех, кто настроен на высшее образование. Если акторы образования полагают, что их планы будут формироваться в будущем, им трудно поддерживать позицию идентификации с образованием, реактивно они могут защититься от социальных рисков, действуя по схеме сужения социальных интересов. И образование не так влияет на статус индивида, как те же самые рыночные институты но следует понимать, что такая социальная рестрикция в образовании дорого обходится индивиду в будущем.

Сегодня на уровне школы постепенно закладываются основы социальной саморегуляции через определенные формально-правовые механизмы, но они могут действовать, только тогда, если в школе будет сформирована потребность в социальной компетенции, без которой невозможна адаптация формальных норм к узкогрупповым интересам. Следовательно, социальная зависимость в российском образовании, которая носит неконструктивный, несоревновательный характер и проявляется через внешние институциональные условия и реактивные и стереотипные установки акторов образования, может стать конструктивной при приведении института образования в консистентное состояние, то есть придание ему базового характера, а также при определении социальных установок акторов образования на социальную компетентность.

В **Заключении** диссертации подводятся основные итоги исследования, формулируются выводы и обосновываются предположения о тенденциях социальной зависимости в российском обществе в социальной перспективе, а так же намечаются основные направления разработки рассмотренной проблематики в рамках теоретической и эмпирической социологии.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

В изданиях Перечня ВАК Минобрнауки России

1. *Гуськов И.А.* Социальная зависимость в российском обществе сквозь призму социологии // Научная мысль Кавказа. Доп. выпуск. 2006. – 0,4 п. л.
2. *Гуськов И.А., Тер-Акопьян В.А.* Адаптационный потенциал современной российской молодежи // Научная мысль Кавказа. Доп. выпуск 2. 2006. – 0,5 п. л./ 0,25 п. л.
3. *Гуськов И.А., Кротов Д.В.* Социальная зависимость в контексте социальной трансформации // Научная мысль Кавказа. Доп. выпуск 2. 2006. – 0,7 п. л./0,35 п. л.
4. *Гуськов И.А.* Социальная зависимость в формировании института образования // Научная мысль Кавказа. Доп. выпуск 2. 2006. – 0,7 п. л.
5. *Гуськов И.А.* Социальная зависимость как объект социологического анализа // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 12. – 0,7 п. л.
6. *Гуськов И.А.* Социальная зависимость и формирование социальной структуры российского общества // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2008. – 0,4 п. л.
7. *Гуськов И.А., Кротов Д.В., Васильева Д.О.* Особенности формирования и функционирования социального капитала в российском обществе // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2008. – 0,9 п. л./0,3 п. л.

Монографии, брошюры

8. *Гуськов И.А.* Волгодонск 90-х: современные тенденции развития социальной ситуации. Волгодонск, 1998. – 0,5 п. л. (в соавт)
9. *Гуськов И.А.* Средний промышленный город как фактор социализации молодежи (на примере г. Волгодонска). Волгодонск, 1999. – 0,8 п. л.
10. *Гуськов И.А.* Молодежь современной России: условия социального становления в период трансформации. Ростов н/Д, 2000. – 2,2 п. л. (в соавт)
11. *Гуськов И.А.* Специфика социальной зависимости в российском обществе. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. – 1 п. л.
12. *Гуськов И.А.* Социальная зависимость в формировании социальной самооценки россиян. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. – 1,1 п. л.
13. *Гуськов И.А.* Социальные практики как регуляторы социальной зависимости. Ростов н/Д: Наука-Пресс, 2005. – 1,1 п. л.
14. *Гуськов И.А.* Поведенческие стратегии россиян в контексте социальной зависимости. Ростов н/Д: Наука-Пресс, 2007. – 1 п. л.
15. *Гуськов И.А.* Социальное участие как альтернатива социальной зависимости. Ростов н/Д: Наука-Пресс, 2006. – 1,1 п. л.

16. Гуськов И.А. Специфика социальной зависимости на социальном микроуровне. Ростов н/Д: Антей, 2008. –1 п. л.
17. Гуськов И.А. Социальная зависимость в российском обществе. М.: Социально-гуманитарные знания, 2008. –11,7 п.л.

Статьи

18. Гуськов И.А. Образование как гуманитарный ресурс развития города // Тезисы I Всероссийской научно-практической конференции МУ ВМЦ «Образование – основной фактор развития культуры и духовности человека». Волгодонск, 1999. –0,2 п.л.
19. Гуськов И.А. Жизненные позиции студенческой молодежи // Тезисы II Всероссийской научно-практической конференции МУ ВМЦ «Образование – основной фактор развития культуры и духовности человека». Волгодонск, 1999.– 0,2 п.л.
20. Гуськов И.А. Социальная зависимость в установках акторов образования // Социализация молодежи Юга России в XXI веке. Ростов н/Д, 2007. –0,7 п. л.

Сдано в набор 12.05. 2008 г. Подписано к печати 17. 05. 2008 г.
Формат 60х84 1/16. Печ. л. 2, 1 п.л.
Печать офсетная Гарнитура Times
Тираж 100 экз., Заказ 1305
Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии «Антей»
344037, г. Ростов-на-Дону, 24 линия, 20.

102